

Хотел избежать лишних смертей и крови, но от памяти и правды не уйдёшь – сплошная кровь, сплошные смерти и отчаянье аж захлёстывают бумагу и переливаются за край её.

Виктор Астафьев

НЕСКОЛЬКО ВЫСТРЕЛОВ

Мой первый рейд на Афганской войне. Вот уже десять минут, как наша мотострелковая рота ползла по склону все выше и выше – первый подъем в горы.

– Замполит, как дела? Как самочувствие? – любопытствовал командир роты, догнав меня на склоне.

– Тяжеловато! Жарко! – промямлил я уныло в ответ, особого желания болтать не было.

– Это все ерунда, маленькая горка – разминка, – ухмыльнулся рыжий капитан. – А вот когда на три тысячи поползем или тридцати километровый марш по хребтам, вот тут ты пожалеешь, что родился на свет божий. Тренируйся, привыкай.

Ротный дружески похлопал меня по спине, прошел мимо, затем резко остановился и взглянул в бинокль:

– Какой чёрт этих баб здесь носит? Куда бредут?

Внизу по ложине двигались два силуэта. Внезапно рядом хлётко щёлкнул выстрел, и одна из фигур в парандже завалилась на бок и узел, который ханумка несла на голове, упал к ногам.

– Кто стрелял?! – заорал капитан. – Какая сволочь убила бабу?

– Я стрелял! – задорно крикнул тощий солдат, закидывая снайперскую винтовку за спину. – Неизвестно, может, под этой паранджей не ханумка, а «душок» бородатый.

«Отличился» наглый спецназовец, которого после госпиталя сослали в батальон.

Ротный подошел вплотную к снайперу, злобно пробуровил взглядом и резким ударом в челюсть сбил с ног.

– Без моего разрешения даже не дыши – еще один такой выстрел, и ты труп! За эту бабу местные нам могут крепко навалить!

Капитан равнодушно переступил через упавшего бойца и, чуть наклонившись, произнес:

– Пожалуйтесь – пойдешь под трибунал за бесчинство к местному населению. Боец, заткни пасть, вытри с физиономии кровь, сопли и веселее шагай в гору.

Превозмогая усталость, я догнал ушедшего вперед командира: пот стекал ручейками по лицу и спине, ноги вверх идти не хотели. Ротный шагал весело – даже что-то насвистывал.

– Товарищ капитан! Может, не надо было ему морду разбивать? Пожалуется в партком или замполиту – греха не оберемся!

– Никифор! Прекрати официальность, я для тебя просто Иван. Ты просто ещё не понял, какая сволочь к нам в роту попала. Хладнокровный убийца! Почему после госпиталя его в спецназ не забрали? Сослали! Надо и нам от него избавиться...

Не прошло и часа, как рота выбралась на небольшое плато. Капитан распределил взводы по трем точкам. Солдаты бодро и дружно взялись строить из камней что-то несуразное.

– Командир, а что они такое городят? – тихо полюбопытствовал я, не желая показывать себя неучем и олухом.

– Эта штука из камней эСПээС называется – стрелковое противоположное и противоположное сооружение: в них будем спать – наше укрытие, а если вдруг случится нападение – из них отбиваться. В горах окопы не роют...

– Понятно! А я голову ломал, как мы будем обороняться!

– Как говорится, учись, студент, пока ветераны живы! – хмыкнул Иван, сладко поёживая и потягиваясь.

Почти весь день ушел на строительство укреплений – вокруг на многие километры других наших подразделений нет. Было жутковато, а голова пухла от вопросов: как быть с охраной? как будем спать? как будет организовано дежурство? А если все заснут и нас переберут во сне? Почему ротный не отдает приказы? Преодолев смущение, спросил.

Капитан заулыбался:

– Бывалые сержанты все знают и без меня – чего воздух подсказками сотрясать? Сейчас распределят солдат по постам. Охранение трехсменное и круглосуточное! А мы, то есть ты и взводные, ночью будете часовых проверять, чтоб не храпели и охраняли мой сон заменщика!

– Понятно...

– А раз понятно, давай приступим к обеду, а заодно и отужинаем!

– Да я еще и не открывал сухпай...

– Всему тебя предстоит научить! Отдай замкомвзвода свои банки и галеты в общий котел – всё приготовят и позовут. Эй, санинструктор, чай готов? – громко рявкнул капитан.

– Чай, опять чай, – проворчал сержант. – Я шо, кашевар? Наверное, узбеки уже сварили.

– Уточни! А не то сам будешь кипятить! Ты почему не беспокоишься о здоровье командира-заменщика?

Ворча что-то под нос, недовольный санинструктор ушел к костру, разведенному за высокой грудой камней и, вскоре чертыхаясь, воротился с двумя кружками.

– Чай подан! – произнес медик с достоинством и высокомерием бывалого официанта шикарного ресторана «Метрополь». – Сейчас подоспеет каша.

Прихлёбывая чай из железной кружки, я невольно загрустил – нахлынули мысли о двух годах с бесконечными тяжёлыми маршами по горам. Не такой я представлял современную войну.

– Кто-то идэ к нам, но не понятно як! – доложил сержант Дубино.

– Как это «не понятно как»? – переспросил ротный. – Выражайся яснее!

– А так! Сами посмотрите...

В распадок между двумя склонами входила отара овец, а по склону в сторону наших позиций, опираясь на костыль и палку, спешил одноногий парнишка. Пастушок подни-

мался ловко и быстро и вскоре оказался рядом. Путник остановился чуть ниже и что-то прокричал.

– Просит не стрелять, – перевел пулеметчик-таджик Зибоев.

– Скажи, пусть хромает сюда, не тронем. Бойцы, живо по СПСам и не торчать столбами, чтоб не сосчитал. А ты Зибоев, стой рядом, будешь переводить!

Через пару минут мальчишка выбрался на вершину. Я испытал настоящий шок и тарашил глаза на мальчишку – малолетняя жертва войны: правая нога ребенка ниже колена отсутствовала. Дикое и ненормальное зрелище – одна из невинных жертв этой военной «мясорубки»!

Безногий пастушок – совсем ещё ребенок, лет одиннадцати-двенадцати. Но как ловко передвигается по горам – видимо, уже привык!

Чёрный лицом от загара и грязи мальчишка замер, опираясь на самодельные костыли. Он с любопытством смотрел на нас, и мы с таким же интересом смотрели на него.

Заскорузлые совсем не детские руки в цыпках и царапках от повседневной тяжелой работы. Глаза острые,мышленые и хитрые. На ногах галоши на босу ногу, из одежды серая длинная рубаша без карманов, во многих местах штопанная, такие же штопаные шаровары, на голове пуштунская шапочка-паколь. Все одеяние грязное и убогое. От мальчишки исходил крепкий дух: смесь овчины, мочи и навоза.

Сверкая белыми зубами, пацаненок начал что-то быстро-быстро рассказывать.

– Говорит, он из кишлака – того, что рядом у дороги: просит больше не стрелять и овец не убивать, – перевел солдат-таджик.

Капитан заверил мальчика, что все будет нормально:

– Стрельбы не будет, если нас ночью не будут долбить.

– А зачем недавно ханумку убили? – перевел следующий вопрос Зибоев.

Ротный со злостью взглянул в сторону снайпера и простодушно ответил:

– Боец, переведи: был случайный выстрел, не разглядели, ошиблись, показалось, что душман убегает. Нечаянно. Так и передай старикам-аксакалам, наши извинения. Но если кто-то захочет отомстить, разнесем в пух и прах весь кишлак. А сейчас приглашаю быть нашим гостем – чай пить.

Солдаты выделили мальцу банку с кипятком, заварку, кусок сухаря, сахар. Мальчишка ловко уселся на землю, подогнув под себя ногу и обрубок, внимательно огляделся по сторонам. Взялся за банку грязными руками, подул на кипяток, разгрыз кусок сахара.

– Что случилось? Ногу «шурави» отстрелили? Ты душман? – пошутил санинструктор. – Хочешь, новую пришью? Я – медик!

Мальчишка засмеялся грубоватой шутке и начал что-то быстро лопотать переводчику.

– На мину наступил три года назад. Говорит, уже привык, обойдется без пришивания ноги! – перевел Зибоев.

– А почему в школу не ходишь? – вступил я в разговор.

– Какая школа? Я зарабатываю себе на жизнь – пасу овец...

– Совсем не учился?

– Всего год. Научился читать, писать, считать. Отец сказал – хватит.

Паренек встал на здоровую ногу, подхватил с земли костыли:

– Спасибо за чай...

По-взрослому нам руки пожал, попрощался и заторопился к отаре и взрослому пастуху.

– Парламентер, твою мать! Чертёнок! Осмотрел позиции, нас сосчитал, если «духи» рядом – будут всё про нас знать, – подвел итоги переговоров капитан Кавун. – Эй, Стёпа, созови ко мне на совет офицеров.

Взводные быстро собрались.

– Охранение на ночь усилить! Быть бдительными! – принялся ставить задачи капитан. – Офицерам спать по очереди и проверять посты. Пастухи – это явно «духовская» разведка. Связистам не дремать и быть постоянно на приёме! Поставить растяжки из сигналах и гранат, но подальше от укрытий, не дай Бог свои, засранцы, подорвутся. И ставьте растяжки, как стемнеет – чтоб из кишлака не видно было, сколько их и где.

Вечерело. Солнце медленно ползло за горный хребет, вот-вот перевалит – на душе было неспокойно, мутрно: днём убили ни за что женщину, потом повстречали безногого мальчика-пастушка, и все «благодаря» нашей интернациональной помощи. А вот настоящих врагов-душманов, «духов» на нашем сленге, я пока еще не видел.

Едва солнце скрылось, резко потемнело и природа задышала: сразу подул легкий свежий ветерок, трава ожила и словно задышала, послышалось стрекотание сверчков, чириканье пташек.

Лежа на спине, я смотрел в черное-черное небо – сон не шел. Было неудобно: как можно спокойно спать на войне? Внизу «духовский» кишлак, возможно, где-то в окрестностях бродит крупная банда мятежников-душманов, а мы тут спокойно дрыхнем, выставив лишь небольшое охранение. А вдруг снимут часовых и перережут всех как баранов – как в кино про Чапаева.

Ветерок обдувал лицо, и после дневного зноя легко дышалось прохладным воздухом, и только камушки кололи спину сквозь спальный мешок и одежду, да автомат и магазины упирались в бок – непривычный походный быт. Попытался зажмуриться, но глаза сами собой открывались. Сверху распростерлось великолепное низкое небо: звезды необыкновенно яркие и близкие – возникало ощущение полета. Не уснуть!

И не поворочаешься – наши тела спрессованы малым пространством укрытия. Расстегнул молнию на спальном мешке и осторожно вылез, стараясь не мешать сопящим соседям. Натянул кроссовки, взял автомат и пошёл в обход постов.

Все три ближайших поста на высоте, где расположилось управление, меня предусмотрительно окликнули:

– Стой, кто идет?!

Почти никто из солдат ещё не спал – бодрствовали не только часовые.

Будильник наручных электронных часов запиликал в разгар приятного сновидения. Нехотя открыл глаза: досадно – так хорошо спалось! Небо еще темное, но на востоке уже едва-едва намечался рассвет. Одежда пронизана сыростью выпавшей росы, а ветерок, который вечером доставлял удовольствие, теперь вызывал дрожь в теле и дискомфорт.

Солдат-связист ответил в полудреме, мол, всё нормально и спокойно. Бойцы на постах тряслись от прохлады и сырости, а молодые солдаты вдобавок от страха.

В низине видимость почти ноль, сколько я не вглядывался – густой туман полностью накрыл ущелье. Затянулся бы сигаретой – но не курю. Вместо этого попил водички, съел конфету, пожевал галету. Чтобы занять чем-нибудь мозг, пересчитал дни, проведенные в этой дикой стране, – пока меньше месяца.

После завтрака ротный собрал офицеров:

– Солдат нужно занять строительством ячеек для стрельбы лёжа и возвести дополнительные СПСы для круговой обороны. Пусть трудятся, чтобы не маялись дурью! И по очереди чистить оружие...

Я отправился по взводам: пообщался со взводными, поговорил с молодыми солдатами, которые откровенно боялись всего на этой непонятной войне и сильно устали морально и физически.

Из дальнего укрытия окликнул заместитель ротного, старший лейтенант Грошиков:

– Эй, лейтенант! Заходи в гости на чай!

Сели пить чай, заговорили.

– Сергей! А где и как тебя контузило?

– Ай... старая история, – старлей небрежно махнул рукой. – Дело было в Панджшере в прошлом году: поднимались на вершину, камушек из-под моей ноги неудачно выскользнул. Лечу по гладкой отвесной стене вниз головой, и лицом в небо. Раскинул руки в стороны, как распятый Иисус. Пятками и ногтями пытаюсь тормозить – метров тридцать скользил к пропасти, пока голова на какой-то валун не наткнулась. Вырубился! Как меня нашли – не помню. Говорят, меня примерно через полчаса вытащили и вкололи промедол (обезболивающее). Чуть очухался – ржу как идиот. Меня буквально переключило, я ведь на голове долго простоял. Руки не работают, ноги не идут, голова «не варит», одежда в крови и морда разбита. Вертушкой вывезли в Кабул, оттуда в Ташкент. Оказалось много повреждений: сотрясение мозга, трещина черепа, компрессионный перелом позвоночника, хорошо, что без смещений. Однако дубовая голова всё выдержала! – и Сергей раскатисто засмеялся.

К укрытию подбежал чумазый солдат с радиостанцией:

– Товарищ старший лейтенант! Вас командир роты!

– Второй слушает!

– Внизу родник, можешь сходить за водой, попить, умыться. Только прикрытие организуй!

– Понял, командир. Выдвигаюсь.

– Ник, за водой пойдешь? Хочешь умыться?

Грошикову явно хотелось, чтобы я составил ему компанию.

– Конечно! А потом от родника вернусь к ротному.

Три бойца собрали фляжки и, оставив для прикрытия пулеметчика на ближайшей вершинке, мы спустились к роднику.

Бойцы торопливо наполняли фляжки, умывались, и мы с Грошиковым присоединились к ним. Внезапно, глупо и нагло улыбаясь, старлей заявил:

– Не люблю я вас, замполитов! Хочешь, тебя грохну?

Я догадался, что это его очередная идиотская шутка, но поддержал игру:

– Стреляй, ты же контуженный на голову, тебе без глупостей, наверное, никак! – ответил я как можно равнодушной.

Грошиков отсоединил магазин и медленно направил на меня ствол автомата.

– Испытание замполита на пуленепробиваемость!

Мне стало слегка не по себе:

– Сергей, хватит дурить!

Внезапно глупо ухмыляясь, Сергей действительно нажал на спусковой крючок – вместо глухого щелчка раздался громкий выстрел. Грошиков посерел, затем позеленел, руки задрожали, и он выронил автомат в ручей.

– Я ж-ж-жив? – выдавил я жужжа.

– Прости болвана! Я идиот! И как получилось, что патрон оказался в патроннике?! О, я безмозглый! – старший лейтенант что есть силы врезал себе по лбу кулаком-кувалдой. – Брат, прости!

– Да пош-ш-шёл т-ты...

– Хорошо, я взял чуток выше плеча! Ну, я дурак! – старший лейтенант был действительно шокирован, впрочем, как и я.

– Видел дураков, но ты самый отъявленный!

– И как я не попал?! О, Боже!

– Я не понял: ты переживаешь или жалеешь, что промазал? – я искренне возмутился, понемногу отходя от шока.

Мои руки и ноги невольно подергивались мелкой дрожью, сердце стучало, как молот.

Ошалевшие бойцы таращились на нас. Вокруг стояла кладбищенская тишина, и лишь неподалёку еле журчал ручей. Тяжелая и неловкая пауза затянулась.

– Ротный! – боец-связист протянул Грошикову наушник. Дрожащими пальцами Сергеем взял радиостанцию.

– Второй на приём! – старлей выслушал и промямлил в ответ: – Неосторожный выстрел, у нас все нормально, поднимаемся!

– Что сказал Кавун? – переспросил я.

– Велел возвращаться через КП роты.

Нагрузив мешки флягами, солдаты медленно побрели вверх по склону.

– Никифор, прости меня, дурака. Хотел пошутить, но так глупо получилось! – Серёга обнял меня за плечи, и крепко сжал руку возле запястья: – Простишь? С меня по возвращении накрытый стол...

– Да пошел ты, дурак!...

– Ага! Прощаешь? – обрадовался Грошиков. – Не дуйся, как будто тебя каждый день расстреливают! Это же событие! Забыли?

– Отвали...

На вершине горки стоял ротный – лицо было злющим.

– Что это было?

– Нечаянно чуть замполита не убил! – чистосердечно признался Грошиков. – Патрон в патроннике оказался. Очень глупо получилось...

– Все мозги через дырку в башке вытекли? Ничего после госпиталя не осталось?

– Я уже повинился и прощения попросил! Признаю – глупо пошутил...

– На редкость не умно. В полку между следующими рейдами все караулы твои – чтоб дурь в башке не кипела...

– Слушаюсь! – козырнул Сергей и, заметно сутулясь, побрёл на позицию.

Ротный взглянул на меня и покачал головой:

– Ну и офицеры! Э-эх! Одни зеленые мальчишки, да круглые идиоты! И этот мой заместитель – большая фигура, да дура! Вымахал под два метра, а ума не нажил. Надеюсь, он все понял.

– Пока до него дойдет... как до жирафа...

– Как самочувствие, вояка? Штаны сухие?

– Да ничего, терпимо, могло быть и хуже...

– Могло. И списали бы на духовского снайпера. Рассказывай, что было...

– Что говорить? Нелепость, глупая шутка. Прямо идиотизм какой-то! В первом рейде мог погибнуть от пули своего же придурка...

– Вот-вот! Кстати, убивают, как правило, в основном новичков в самые первые дни да заменщиков в последние месяцы. А также гибнут часто перед отпуском и после отпуска, и перед заменой. Отсутствует концентрация – о доме думают. Сейчас мы с тобой в равном положении: и ты, и я находимся в периоде повышенной убиваемости. Статистика! Но вот только у меня большое преимущество: я об этой войне знаю почти всё! Когда пригнуться, где упасть, куда наступить, да и мне всего-то месяц-другой остался! А ты не знаешь ничего. И тебе ещё ого-го сколько войны. И кто знает, что тебе предстоит! Эх, послужишь с мое...

– А что было у тебя самое жуткое на войне?

– Самое... Э-э... Я тогда был командиром девятой роты третьего батальона и стоял на заставе на Джелалабадской дороге. В зону нашей ответственности дополнительно ввели батальон спецназа из Союза: удали, самодовольства, самоуверенности много, а мозгов и опыта мало. Как-то раз две роты вошли в ущелье, а поверху пустили лишь взвод. Душманы тот взвод перебили за полчаса, а затем взялись за передовую роту. Моя рота охранения к бойне была самой ближней: я примчался с поста на трех БМП, но пробиться в ущелье не получилось – дороги нет. Вскоре к нам выбрались несколько раненых бойцов: закрепились, заняли круговую оборону, а потом на выручку подоспела ещё рота спецназа и рейдовый батальон нашего полка, и вертушки с воздуха поддержали.

Вошли в ущелье, и нас сразу накрыли огнём – прижали. Добраться до места бойни смогли только на следующий день, а там жуть: трупы почти трое суток вытаскивали под непрерывным огнем. Большая часть раненых не выжили – умерли. После того боя я первые седые волосы в рыжей шевелюре обнаружил.

Капитан чуть помолчал и продолжил:

– Мертвых выносить замучались: всё ползком! Столько крови никогда больше не видел и, надеюсь, не увижу! А Грошиков только хорохорится и бравирует, а опыта почти никакого. Из полутора лет войны – девять месяцев болтался по госпиталям да отпускам. И взводные такие же новички, как и ты. Держись меня: учись, запоминай, набирайся опыта. Старайся выжить!

– Иван, ты нас пацанами называешь, а самому-то сколько лет?

– Двадцать семь.

– А мне двадцать четыре!

– Но у меня два года войны – каждый идет в зачет за три!

Целую неделю мы охраняли дорогу под горой: по шоссе время от времени проходили колонны транспортных машин и боевой техники на большой скорости. И день за днем перед глазами одна и та же не оптимистичная картина: на трассе ржавело несколько остовов обгоревших автомашин и БТР – результаты засад мятежников.

Рейд завершался. Мы получили приказ сниматься с позиции, оставив заставу из десяти человек с тяжелым оружием: АГС и миномет. Оборудовать временный пост выпало Грошикову с усиленным взводом, а остальная рота уходила к дороге.

В три ночи попрощались, а Сергей проводил меня напутствием:

– Никифор! Обещаю, что после моего неудачного выстрела жить будешь очень долго! И потихонечку по-идиотски заржал.

Кавун крепкими матерками подгонял бойцов – времени на сборы мало.

Впереди, метрах в пятидесяти, шло охранение, затем почти беззвучно двигались остальные. Спустились к дороге, залегли, замерли. Внезапно со стороны окраины кишлака прозвучал одиночный выстрел, и трассирующая пуля недалеко от меня с визгом срикошетила от асфальта – улетела в темноту. Затем ночное небо рассекла длинная очередь – эти пули просвистели поверх залегшей на обочине роты. До нас донесся чей-то громкий гортанный крик.

Капитан передал по живой цепочке свистящим шепотом:

– Не стрелять, в бой не ввязываться! Лежать тихо!

Цепь зашептала, зашелестела, дублируя команду:

– Не стрелять... Не стрелять...

– Лучше не связываться. Кто их знает, сколько тут «духов»! А может, это «царандой»? Обойдемся без перестрелки, – прошептал Иван.

Стелясь по земле, словно призраки, рота поползала дальше от кишлака. А действительно, сколько «духов» может оказаться поблизости? Вероятно, капитан был прав, не вступая в бой...

Вскоре на шоссе послышался шум приближающейся бронетехники. Наконец, из темноты из-за поворота вырвались яркие огни фар. Пехота за пару минут загрузились на БМПшки и машины умчались прочь – как будто нас здесь никогда и не было...

ПОБИТЫЕ МАРОДЕРЫ

Артиллерия, тяжелые минометы, танки, разместившись за шоссе, утюжили «зеленку». Снаряды крупного калибра взрывались в кишлаках, словно огромные фонтаны, взметались в виноградниках, а глиняные дома взлетали в воздух и рассыпались в прах. Долину на многие километры застелило густой пеленой из пыли и дыма. Реактивные установки «Ураган» и «Град» беспрерывно выплескивали залпы огня. Командование отдало приказ наносить удары до тех пор, пока не выдадут последнее тело похищенных и убитых бойцов.

С грустными думами я брел по обочине к броне нашей роты – скоро в бой. Мимо промчался открытый без тента «Газик-козлик» с местными жителями, облепившими машину со всех сторон.

Афганцы торопливо выгрузили три скрюченных в неестественных позах трупа: без штанов, окровавленных и перепачканных в грязи. Протиснулся поближе, присмотрелся: оскальпированы и кастрированы, с рук и ног свисала ломтями кожа: видимо, душманы раскаленными шомполами протыкали тела.

Переговорив с ополченцами, лейтенант-переводчик доложил командиру полка:

– Четвертого пока не нашли, а автоматы мятежники унесли с собой. Афганцы говорят, эти солдаты регулярно грабили местных жителей. Жулики. Повадились красть кур, овец, теперь попытались увести корову и попались. А ещё они сняли часы с мальчишки-пастуха. Он прибежал домой, рассказал, а в кишлаке отдыхала банда. Бойцам жутко не повезло – эти болваны почти и не сопротивлялись. Мародёры пошли в кишлак без запаса патронов и не смогли отбиться. Идиоты...

Солдаты, кто посмелее, тоже сбегали к «моргу» у шоссе – посмотрели на убитых, и в шоке возвращались в подразделения. Во взводах стоял гул негодования – батальон был готов стереть в порошок этот кишлачок. В роты распределили усиление: по два огнеметчика, по минометному расчету.

Несколькими колоннами мы вошли в притихшие развалины – ни малейших признаков жизни. Осмотрели дом за домом, двор за двором – ни души. Сарай, кошары, подвалы забросали гранатами и дымовыми шашками – окрестности наполнилось едким дымом, который клубился и поднимался ввысь из каждого виноградника и двора – это мы колодцы-кяризы (их часто использовали и в качестве ходов сообщений) нейтрализовали возможного противника таким удушающим способом. Укрывались ли там мирные жители? Спрятались ли там боевики? Кто знает...

Колодцы глубокие, криков не слышно. А выбраться наружу в удушливом дыму при всём желании вряд ли кто сумеет.

Подразделения продвигались осторожно, не спеша, тщательно осматривая территорию. Впереди, как всегда, шли саперы, снимая растяжки. Вдруг немного правее раздался выстрел. Засада!

Третья рота наткнулась на банду, и завязался бой. Вскоре и наша рота тоже наткнулась на группу отходящих душманов. Короткая перестрелка – и «духи» ретировались, унося раненых или убитых, судя по густым следам крови на тропинке.

Ротный отдал приказ:

– Больше ни шагу вперед! Точно нарвемся на засаду. Закрепитесь пока не стемнело, выставить посты!

Заняли оборону в брошенных строениях и принялись обживать. Я подошел к огнеметчикам:

– Почему не стреляете, сержант?

– Дык вы не приказываете! – хмыкнул он в ответ. – Мы и не дергаемся. Прикажете – стрельнем.

– Сержант, покажите как, и мы сами бабахнем из огнеметов! – искренне обрадовался возможности попрактиковать стрельбе из «Шмеля» – когда еще такая возможность представится!

Сержант бодро объяснил принцип действия:

– Огнемёт «Шмель» – это труба с зарядом внутри. Сюда целишься, сюда нажимаешь, отсюда летит, там взрывается, если попал, то кто-то сгорел – всё очень просто. Вес заряда примерно восемь килограммов.

Я осторожно пристроил огнемёт на плечо, тщательно прицелился в виднеющееся вдали высокое строение – полчаса назад там было видно какое-то движение. Бум! Заряд влетел в оконный проём, и большущее сооружение сложилось, как карточный домик.

– У-у-ух ты-ы-ы! – единым выдохом произнесли стоящие на крыше бойцы.

– Теперь я! Дай я! – заорал лейтенант-минометчик.

– Подожди! – одернул его взводный Сергей Острогин. – Тебе есть из чего бабахать – из миномета стреляй. Предоставь нам возможность самим пошалить!

Лейтенант прицелился в другой дом – эффект тот же.

– Ура! – взвыли глазеющие бойцы.

Детский сад! Мы, правда, тоже в развитии от них не далеко ушли...

– Не высовываться! Всем в укрытие! – заорал ротный. – Что за цирк?

– Изучаем «Шмель»! – ответил я за всех. – Новое оружие осваиваем...

– Ну что ж – это дело! Дайте и я перед заменой освою...

Капитану тоже показали принцип, и он выстрелил под дружное «ура».

Засылав стрельбу, по связи зашумел комбат:

– Что случилось? Вы чем таким мощным стреляете?

– Из «Шмелей»! Подавили три огневые точки противника.

– Подавили они... Что-то я огневых точек не наблюдал. Разве по вашей роте стреляли?

– Ещё как!

– Прекратить! Хватит чужие дома ломать!

– Слушаю! Да, в общем-то, больше целых домов в пределах видимости нет! – ответил ротный и добавил, повернувшись к огнеметчикам: – Будем уходить, я выстрелю последний заряд – незачем такие эффективные боеприпасы везти обратно в полк.

– Ясно, товарищ капитан. Стреляйте, не жалко – нам же легче топтать.

Спустились во двор, оставив на крыше наблюдателя, не спеша съели наполненный до краёв казан вкуснейшего плова, попили трофейного листового чая, откинулись на лежанки, расслабились возле самодельного достархана, созданного из разбитых снарядных ящиков.

Блаженство!

Спина ныла, ноги гудели, но потихонечку усталость спадала, наваливалась дремота.

– Парни, нам сегодня везет! – ротный задумчиво затянулся сигареткой и выпустил колечко дыма. – А вот вторая рота на засаду нарвалась: два бойца ранено. И третья рота попала в винограднике на растяжки – семеро раненых. На КП батальона духовский снайпер убил минометчика. Главное дело, чтобы везение не оставило нас...

На землю опустилась тёплая сентябрьская ночь: темная и жуткая. Артиллерия продолжала изредка стрелять, и в воздухе висели то световые мины, то «факела» (осветительные снаряды), то осветительные ракеты. Время от времени трассы очередней вспарывали звёздное небо: зачем-то кто-то бил в темноту от страха или от тоски.

Вскоре пришла ночная прохлада, а с ней появилось множество комаров – издевательство над усталым солдатом. Москиты проникали везде и всюду – никакого спасу! Я забрался в спальник и закрыл лицо капюшоном от маскхалата, но они продолжали пищать над ухом и беспрерывно шли в атаку. Жужжали, звенели, зудели, заползали под одежду и кусали, кусали, кусали.

Не выдержал – подсел к костру. Три узбека тихо бормотали по-своему. Следом за мной к костру поднялся и ротный – тоже не вынес налета комаров:

– Повар, чай есть? Угощай начальство!..

– Есть! Конечно, есть! Очень душистый чай, – затараторил мордатый Гурбон Якубов.

– Дружище, ты откуда родом? – спросил я узбека. – Довольно хорошо по-русски говоришь.

– Из Бухары! Я был шеф-поваром в ресторане, работал в интуристе. Я очень хороший повар! А в армии стал простым автоматчиком. Жаль, что в полковой столовой места нет...

– Что ж, будешь шеф-поваром третьего взвода, первой роты, первого батальона! – встрял в разговор проснувшийся капитан.

Бойцы дружно засмеялись, и полные щёки Гурбона затряслись, словно огромные узбекские лепешки-лаваши.

– Что ты постоянно карябаешь в блокноте? Вроде не письма... Донесения Ахмат Шаху или Гульбеддину Хекматияру? – внезапно принялся шутивно допрашивать бойца-узбека командир.

– А кто это? Я их не знаю... – явно растерялся молодой солдат. – Это афганское начальство?

– Это местные главари бандитов! Донесения строчишь? Сколько у кого патронов, как зовут командира роты и сколько боевых листов у замполита в походной ленинской комнате, – продолжал насмехаться ротный.

– Что вы, товарищ капитан! – не на шутку испугался Гурбон и, быстро тараторя, заверил: – Я веду дневник, пишу в него, что вижу вокруг. В основном, о природе, о своих ощущениях...

– Маршруты выдаешь! – поддержал я насмешливый тон ротного.

– Ну, что вы! Что вы такое говорите, товарищ лейтенант! Я описываю, где был, что видел, что было за день...

– В роте пособник душманов! – с напускной грустью подытожил командир. – Шпион! Высматривает, записывает, сообщает. Завтра расстреляем... Верно, замполит?

– Надо подумать...

Якубов рухнул на колени:

– Товарищи офицеры, я об Афганистане пишу, о войне, интересно ведь! Не губите! Папе, маме, сестрёнкам рассказать хочу о войне...

– Ладно, писать мемуары разрешаю, но особисту не показывай и на глаза не попадайся. Все, что сотворишь, на цензуру к замполиту! Будешь великим узбекским писателем – пришли книгу с автографом! – закончил розыгрыш командир.

– Есть, прислать книгу! – вполне серьезно ответил Гурбон и приложил руку к панаме.

– Н-да... – задумчиво пробормотал капитан. – Были писатели-баталисты и маринисты, а теперь пошли писарчуки-поваристы. Эй! Где чай, акын ты наш доморощенный?!

Солдат засуетился, сложил поближе к командирам сахар, галеты, кружки, чайник. Предложил добавку плова.

Действительно, вкусно!

– Гурбон, не знаю, какая у тебя будет книга и каким ты будешь писателем, но готовишь ты просто замечательно! – воскликнул я восторженно.

Отойдя от костра, капитан тихо произнес:

Как плов сделать, чай приготовить, суп сварить – наши узбеки мастера. Но воевать – не любят. А их треть роты! Теперь ещё и повар-мемуарист на нашу голову свалился.

На рассвете меня растолкал связной:

– Товарищ лейтенант! Командир зовет...

Нехотя натянул кроссовки, взял автомат и, почесывая укушенные руки и шею, побрел к капитану.

Ротный обрадовал:

– Хватит воевать – на рассвете уходим! Поднять солдат – пятиминутная готовность к отходу. Хорошо, что штурм и прочесывание кишлаков отменили, а то вчерашние потери увеличились бы! Все вокруг минируем и поджигаем!

Рота зашевелилась: солдаты искренне радовались приказу – прочесывать «зеленку» никому не хотелось. Вскоре задымили сараи с сеном, и все, что могло гореть, загорелось. Саперы расставили сюрпризы, и рота потянулась из оставляемых укреплений. Я выдернул чеку из запала гранаты, сунул её в стакан и поставил в угол приоткрытой двери – привет входящему. Сюрприз «бородатым» от шурави.

Откуда-то из глубины кишлака раздались выстрелы, пули застучали по глиняным дувалам, и что-то бабахнуло там, где мы недавно ночевали. Метрах в пятидесяти взметнулись фонтанчики взрывов минометных мин. Вовремя успели уйти!

– Минометчики, все мины по душманам в ответ расстрелять! – приказал ротный. – Незачем тащить их обратно!

Расчет миномета быстро выпустил по виноградникам оставшийся боезапас, и под эту громкую «музыку» рота поспешила в сторону дороги: взвод за взводом, гуськом, след в след, один за другим. Быстрее, быстрее из этой проклятой, ненавистой, жутко опасной и стреляющей со всех сторон «зеленки».

Дорога. Броня. Мы живы!..

ЛУЧШЕ НЕТ КРАСОТЫ...

Четыре часа непрерывного изнурительного марша, и ротный наконец-то «протрубил» сигнал на привал. Осталась меньшая часть пути, но никто не обольщался: впереди трудный подъём. Возвышающаяся над нами ледяная горная заснеженная вершина была уже как на ладони. Я уже замучился толкать и подгонять «умирающий» арьергард роты – в основном это была необстрелянная молодёжь. С удовольствием сменил бы идущего в голове колонны командира первого взвода. Благо, идем без минометчиков. А не то мне и мины пришлось бы тащить за умирающих: почему-то наш миномет комбат отдал разведчикам.

Пока осенняя погода баловала: легкий ветерок, тучки – не жарко. Надо скорее воспользоваться привалом. Отошел метров на пятнадцать в сторону от толпы к обрыву – облепить мочевой пузырь. Как у нас говорят: лучше нет красоты, чем поссать с высоты...

Встал на край, глянул вниз... и резко отпрыгнул назад. Опустился на колени, прилёг, осторожно подполз обратно к краю. Далеко внизу вдоль русла почти высохшей реки текла другая живая река: люди, коровы, лошади, козы, овцы. Население уходит из тех мест, куда мы идем. Посмотрел в бинокль – в толпе много вооруженных.

Примчался к ротному:

– Иван! Внизу «духи» по ущелью уходят!

– Как ты заметил духов?

– Да, чуть не нассал на них...

– Забавно. Но молодец! Рота, слушай мою команду! – резко скомандовал капитан. – За мной к обрыву!

Залегли на краю пропасти – духи нас пока не заметили. Ротный взглянул в бинокль. Мстительно улыбнулся и отдал приказ:

– Передать по цепи! Огонь по моей команде! По два магазина! Затем бросить в ущелье по одной гранате РГО. Снайперам выбрать самые достойные мишени. Повеселимся!

– Вроде там много мирных жителей?.. – с сомнением в голосе произнес я, не желая нарушать законы войны.

– А мы их не тронем! – ухмыльнулся капитан, – стреляй только по вооруженным. Мы вчера с утра тоже были очень мирные и никого не трогали. А скольких бойцов духи убили!

– То ж был бой...

– И сейчас будет бой. Огонь!!!

Бух! Тра-та-та-та! Бабах! Рота из всех стволов дружно полыхнула автоматным и пулеметным огнём.

Ах-ах-ах! – отозвалось эхом ущелье.

Расстрел неорганизованной толпы продолжался минут пять. Вначале внизу народ бросился врассыпную, часть мятежников попадала ранеными и убитыми. Паника. Но вскоре уцелевшие начали стрелять в ответ.

– Прекратить огонь! Уходим! – скомандовал капитан. Злые огоньки удовлетворённой мести плясали в его глазах. – Это им месть за вчерашнее! А теперь бегом на задачу! Не задерживаться – вперед! Живее на гору!

В последний раз я взглянул вниз. Открылась жуткая картина: трупы, раненые, вопли, стоны и редкий ответный запоздалый огонь. На этот раз не повезло «духам».

Ротный радостно потирал руки:

– Замполит, ты – молодец! В нужном месте пустил струю. Сейчас доложу причину стрельбы, пока комбат не визжит...

После коротких переговоров по связи капитан вновь разорался:

– Что рты раззявили? Комбат бесится, что мы еще не на задаче! Первый взвод, не задерживаться, шустрее! Бегом, вперед!..

ЖУТКАЯ НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Новый год – любимый и долгожданный праздник! А мы опять в рейде...

С раннего утра рота поднималась выше, а снег становился все глубже. Командир отправил меня со взводом на самый верх «задачи». Холод собачий! Какие банды «бородатых» осмелятся бродить в такую погоду по горам? Чтобы замёрзнуть?!

Разбили лагерь, вырыли в снегу лежанки, обложив их камнями. Три круглосуточных поста: у одного поста – я, а у двух других – сержанты. Мокрый снег, ветер, вокруг ни черта не видно. Холодно, морозно.

Бр-р.

Светлое время суток провели в наблюдении с дрожью всего тела на ветру. Одежда, обувь, нательное бельё сырые. Руки и ноги коченеют.

Днем поступил новый приказ: сидеть на задачах, затаиться и никуда не двигаться. А двигаться и не хочется в такой собачий холод! Мы же не психи лазить по горным вершинам. Помимо наблюдения весь день, лёжа на снегу, глядел в небо и понемногу застывал. В небесах – сумрачно, по сторонам – белым-бело. В долине стоит многочисленная броня, тысячи людей суетятся, жаркие костры горят – внизу гораздо теплее и веселее. Какая-то черная комедия: центр Азии, где люди обычно от жары и жажды умирают, а мы от холода дубеем. Парадокс! Для замерзания существует Сибирь и Крайний Север!

К ночи похолодало ещё сильнее. Один плюс – тучи ветром разогнало: мириады звезд на огромном небосводе ещё больше подчеркивали ничтожность и быстротечность существования человека, тем более, на войне. Время к полуночи. В тылах народ активизировался: костры загорелись ярче, люди-человеки быстрее замельтешили у техники. Из долины посылались звуки радио через «колокол» клубной машины, и вдруг ударили Кремлёвские куранты!

В сторону звезд понеслись пулеметные и автоматные трассы, а артиллеристы повесили «люстры» – осветительные снаряды и мины: кто-то выстрелил из орудия, кто-то бахнул из БМП, и холодное ночное небо ярко озарилось светом тысяч ракет. В горах, над нашими задачами, и там, где расположились другие роты, тоже началась стрельба. Я дал от избытка чувств в небо длинную очередь, выпустив целый магазин. И мои солдаты дружно салютовали очередями в ночное небо. Таджик-пулеметчик, громко матерясь, расписался по черной бездне трассирующими пулями. Бойцы кричали «ура» и подбрасывали шапки, как торжествующие барышни подбрасывают чепчики.

По связи с брони вышел комбат и принялся ругать нас за беспорядочную и беспричинную стрельбу, хотя только что именно с его командного пункта тоже палили. Ему в «кунге» хорошо: коньяк, шашлык, игра в карты, а тут одна радость – трассеры пускать.

Небо над Баграмом и Кабулом также в огнях. В горах стрелять закончили быстро – патроны сэкономили, а внизу успокоились не скоро. Я лег обратно в спальник, продырявил баночку с соком и выпил за наступивший Новый год. Романтика, блин...

Далее началась ночь кошмара: лег одетым в спальный мешок, постелив бушлат под себя, чтоб не примерзнуть к ткани спальника. Проклятый холод! Тело било дрожью ночь напролет. Минутное забытие – и снова пробуждение – как в бреду. Время от времени окрикивал солдат: «Часовой!»

Бойцы с постов отвечали: «Я, я, я!!!» Но если ответа не было, приходилось, преодолевая лень и холод, надевать полусапожки, выбираться из мешка, идти на пост и пинать

заснувшего бойца: рычать ему в лицо, стучать по башке, натирать снегом сонную и грязную от сажи и копоти физиономию, грубо материть.

Возвращаться к «лежбищу» ещё противнее: надо разуваться, снимать бушлат, застегивать спальник, пытаться принять удобную позу, чтобы в спину впивалось как можно меньше камней.

Среди ночи новый приказ – усилить охранение. Выставил еще один пост.

Утром все бойцы измучены ночным бдением и стужей. С восходом яркого солнца начался отдых и альпийский курорт. Завтрак, а затем сон с громким храпом усталых бойцов. Конечно, за исключением часовых на постах.

Вечером по команде спускаемся вниз на броню – рейд обратно к «зеленке». Интересно, зачем пехоту и десантуру загнали под Новый год в горы из кишлаков? Зачем начальники поиздевались? Себя прикрывали? А, может, нас спасли от ненужных потерь в кишлаке?..

Опять с боем возвращаемся в тот же самый кишлак на недавно оставленные посты. Проверили хибару – мин нет. Осматривая развалины, заметили четверых «духов» – простреляли друг в друга. Враги убежали, унося раненого или убитого, словно растворились в винограднике: кровь на тропе тонкой дорожкой уходила в глубокий кяриз. Приказал всюду поставить побольше растяжек – ночью сработали две.

Бах-бах!!!

Утром на тропе находим капли запекшейся крови. «Бородатые» вылезали из кяризов? Мимо позиций прошли автомашины под конвоем бронегруппы – доставили продукты, боеприпасы, вывезли дембелей из «зеленки» и завозят молодежь – бедняги будут сидеть в этой дыре два года, не высывая носа. Если «повезет» и заболеют гепатитом – побывают на «большой земле» в госпитале...

ОХОТА НА ЕЖЕЙ

Предстоящая неделя не предвещала легкой жизни: бойцов не хватало, среди оставшихся многие в госпиталях болели. Бывалые сержанты и солдаты отслужили и уехали в Союз, а на замену прибыла необстрелянная молодежь: толком не обученные войне в горах и боям в «зеленке».

Едва батальон вошёл на окраину кишлака, как сразу три мины разорвались за арыком среди толпы зевак-аборигенов и возле наших тыловых машин. Какие-то шустрые и любопытные мальчуганы-бачата схлопотали осколки – один тяжело ранен в живот. Полковые медики бросились на помощь, но рана у пацана оказалась смертельной, а двух других бачат на «санитарке» отвезли оперировать в госпиталь.

Комбат скомандовал: срочно вступать в следующий кишлак – зачищать развалины. Рассредоточились, машины вышли из зоны минометного обстрела. Пушки и пулеметы строчили по сторонам, бронетехника с лязгом пробиралась всё дальше.

Я бежал вместе с бойцами вдоль высокого дувала, прикрываясь бортом БМП. В ушах стоял сплошной гул, в горле пересохло, к маскировочному халату налипли острые комочки. Расстрелял три магазина, пока добрался до долгожданной заставы.

Два взвода заняли оборону на подступах к заставе, а я присоединился к третьему взводу Марасканова, и мы двинулись дальше, вглубь кишлака. Постреляв для остроты из пушек и пулеметов по виноградникам и развалинам, заняли круговую оборону между двух высоких дувалов.

Позиция ненадёжная: сзади развалины недружественного кишлака, впереди канал, за которым мятежников, как блох на бродячей собаке. На флангах густые сады и руины. Мы в самом центре «черной дыры» под названием Баграмская долина. Сюда можно ввести дополнительно целую армию, посадить по взводу в каждый дом, но полного контроля над территорией не добьешься.

А как контролировать аборигенов? Днем они мирно пашущие крестьяне-дехане с мотыгами и кирками, а ночью достают из тайников автоматы, пулеметы, гранатометы – и уже «моджахеды». Собираются в банду и бьют по заставе из зарослей виноградника.

Первым делом, войдя в кишлак, рота задымила кяризы дымовыми гранатами, шашками и минами – чтобы «духи» не вылезли снизу и не ударили в спину. В кяризах могут укрыться и мирные жители, но мы об этом стараемся не думать. Столбы густого едкого дыма поднимаются из всех дворов, из виноградников и садов. Если кто-то укрылся внизу – далеко живым не уйти. Задохнется.

Кяризы – это разветвленная сеть колодцев, которая тянется по всей «зеленке»: через каждые тридцать-сорок метров глубокий колодец и ходы сообщений между ними. Эта сеть орошения посредством кяризы создана вроде бы еще со времен Александра Македонского, а то и раньше. Глубина колодца зависит от глубины залегания грунтовых вод. Порой глянешь вниз, а там метров двадцать и даже больше! Говорят, колодцы роют мальчишки возрастом лет десяти: кто-то копает, кто-то ведра с грунтом вытягивает наверх. Вода иссыкает – роют новый и затем соединяют его тоннелями с соседними. Никакого счастливого детства в нашем понимании...

А затем лет в десять-двенадцать отец дает сыну оружие, и он становится членом отряда самообороны – банды. В основном афганские мальчишки в школе учатся год-два: учатся читать, писать и считать, а девочки и того меньше, а кто-то вообще в школу не ходит. Лет в десять надевают на малышку паранджу и начинают продавать как товар – замуж: на коров меняют, на овец, на верблюдов или продают. Маленькая женщина – это ценный товар! А у кого нет денег, чтобы купить жену, – идут грабить. Собирается вооруженная банда женихов – и в поход за невестами. Даром невест никто не отдаст, поэтому захватывать их приходится силой. Короткий бой – и дальше кому как повезет: кто-то невесту захватит, а кого-то ранят или убьют. Затем в кишлаке одновременно два мероприятия: у кого-то свадьба, а у кого-то похороны...

Наш сектор обороны – четыре стены вокруг небольшого сада, завалившийся сарай, неглубокий арык. Обживаемся.

С криком «кия!» взводный толкает стенку в прыжке – неловко приземляется. Часть стены завалилась, а Марасканов подворачивает левую ногу. Ступня распухает на глазах.

– Воевать ещё толком не приступили, а уже несем небоевые потери, – ухмыльнулся я. – На кой черт тебе сдалась та стена? Даже не знаю, докладывать ли о тяжелой травме, полученной офицером роты – нарушение мер безопасности.

– Морда ты неблагодарная, – обиделся Игорь. – Я тебя укрывал от холода в своем спальном мешке, отдавал последний сухарь.

Я вновь ухмыльнулся:

– Не того товарища в горах прикормил...

– Прикажу Якубову, чтоб больше на тебя не готовил.

– Эй, Гурбон! – окликнул я солдата. – Командиру взвода до замены месяц, а мне чуть больше года! Будешь ты кормить меня или нет?

– Трудная задачка, – расплылся в широкой улыбке сержант. – Приказ – закон! Но и если вы умрете от голода, тоже ничего хорошего. Буду кормить тайком, но самым вкусным...

– Эх, Гурбон! Этих замполитов отстреливать нужно, а ты ему самое лучшее обещаешь.

– Зачем отстреливать? Лейтенант Ростовцев – очень хороший человек, пулемет помогал нести в горах, когда я обессилел. По душам разговаривает, к медали представил, значком наградил, в гости собирается приехать после войны. И в партию обещал прийти.

– Вот видишь, Игорь! Не удастся тебе уморить меня голодом.

– За значок проданся?

– Не проданся, а я его сагитировал!

– Из «басмачей» коммунистов лепишь? Зачем тебе в партию, Гурбон?

– Как зачем? Папы богатого у меня нет, калыма не собрать. Вернусь домой с медалью или орденом да еще партийным, очень быстро директором ресторана стану! – заулыбался боец.

Ночи стоят теплые и тихие. В десанте спать душно – ложусь под яблоней, разглядывать в небе свои любимые звезды. В темноте кто-то пробежал возле ног, шурша прошлогодней опавшей листвой. Затем неизвестный любопытный зверь осторожно подкрался к моему лицу, громко фыркая и принюхиваясь.

– Кыш, брысь, зараза! – заорал я испуганно, взмахнув руками. Дрёма мгновенно улетучилась.

Крыса? Куница?

Существо испуганно метнулось в сторону, за ним побежал рядовой Витька Свекольников.

– Что случилось? – всполошился Игорь, высовываясь из десантного отделения. – Никифор, чего орешь?

– Ужас! Привидится же такое! Только задремал, как перед глазами возникла отвратительнейшая рожа. Чёрт какой-то! Большие уши, длинный нос, глазища черными пуговками. Обнюхал. Я подумал, укусит...

– У тебя, наверное, «крыша поехала». Скажешь тоже, чёрт! Наверное, крыса хотела поужинать кусочком твоего длинного носа.

– Сам ты длинноносый!

Тем временем Витька метался по кустам, с громким треском ломая ветки.

– Поймал! Ура, поймал! – заорал радостно солдат.

– Витька, на кой хрен нам крыса? Шашлык из неё делать? – поинтересовался взводный. – Это даже не собака и не кот, а мы не корейцы.

– Это не крыса – ёжик!

– Какой ещё ёжик? – не поверил я. – Я что ежей никогда не видал?! У зверя длинный нос!

– Это пустынный ежик. Я таких дома в Узбекистане видел.

В солдатской панаме лежал колючий комок.

– Гляди-ка, какой большой! – восхитился я. – А ну, Витек, выпусти его в коробку изпод сухих пайков.

– Попался, чертёнок! – млея Витька.

Зверёк полежал минут пять, осмелел, начал разворачиваться из клубка, затем встал на ножки, которые действительно оказались довольно длинными. Чудной! Большие уши, длинный нос, тонкий крысиный хвост – пародия на ежа!

– Как в анекдоте про верблюда: «Это кто так лошадь излупил и изуродовал?»

– Свекольников, зачем он тебе? Выпусти! – простонал, потирая распухшую ногу, взводный.

– Пусть в казарме крыс и мышей ловит. Хор-ро-ший! Ё-ё-ёжик! – произнес солдатик восторженно и протянул зверьку кусочек сахара. Однако пустынный сразу свернулся и угрожающе зашипел.

Игорь усмехнулся:

– Ты к нему со всей душой, а он... Не понимает. Дикий, неукротенный. Дрессируй! Клоун у нас в роте есть, теперь еще будет укротитель ежей. Не рота, а цирк «Шапито»!

Ночью зверек бегал по коробке и пытался найти выход. Громко чавкал, пережевывая кусочки мяса и каши, сопел, тяжело и грустно вздыхал. А следующим вечером неутомный Витька, ползая на брюхе в кустарнике, опять поймал ёжика, но другого вида: с нормальными носом и ушками, короткими ножками и без длинного хвоста.

– Витька, ты собрался всех ежей Афганистана переловить? – насмешливо поинтересовался Игорь.

– Прикормлю. Они хорошие, интересные.

– Каков ежелов! Ты, главное, связь не проспи с командиром роты. А не то я этих ежей тебе в задницу засуну! – пригрозил взводный.

Тяжело вздыхая, Свекольников поправил на оттопыренном ухе наушник радиостанции и продолжил наблюдать за зверьками. Вскоре боец наполнил коробку листьями, травой, набросал сухих груш, вишен и айвы.

Старший лейтенант всплеснул руками и воскликнул:

– Витька, ты бы лучше так заботился о больном командире: ни айвы нарвать не могу, ни к костру лишний раз сходить чаю попить – нога жутко ноет. Угощенья только ежам. Уволю из связистов и отправлю часовым в узбекское отделение.

– Не надо! Я буду заботиться. Я и так беспокоюсь о вашем здоровье.

– Интересно, в чём это выражается?

– Переживаю...

– Переживаешь, это уже хорошо. А то отдам тебе пулемет Якубова и будешь РПК в горы носить. Узбек хоть и «тормоз», но про чай никогда не забудет. Намек понял?

– Отчего же не понять...

Солдат сорвался с места, затрусил в сторону костра и вскоре вернулся с двумя глубокими мисками, до краев наполненными пловом и голубцами в виноградных листьях.

– Кушайте на здоровье, товарищи офицеры!

– Молодец! Ладно, оставайся при радиостанции, но не расслабляйся... – амнистировал солдата Марасканов.

Голубцы были замечательными, но по поводу качества плова Игорь высказал ряд замечаний:

– Якубов рис перетомил, не хватает морковки, и довольно суховат.

– Не придирайся. Жуй и радуйся, что это не прогорклая перловка из сухого пайка.

После захода солнца Витька поставил коробку с ежами в левый десант БМП, предварительно поинтересовавшись, свободно ли место?

– Нет, Свекольников, в десант я не лягу: под деревом свежий воздух и ветерок, небо звёздное. А там бронированная жестянка – пахнет соляжкой и мазутом, пороховой гари, да вонь от портянок Кобылина.

– А с чего взяли, что это воняет именно от моих портянок? – обиделся механик-водитель. – Может, это портянки Свекольникова?

– Да нет, дорогой, это именно твои портянки. Такой специфический запах не спутать ни с чем другим во взводе. Ноги нужно мыть чаще! Когда мылся в последний раз?

– Каждый раз, когда в баню хожу, – произнес солдат протяжно, как говорят в Поволжье, почти нараспев.

Стоящие рядом бойцы дружно рассмеялись над незадачливым бывшим сельским трактористом.

– Кобылин, слушай приказ! – разозлился я на неряху. – Умываться каждый день! Регулярно чистить зубы и портянки стирать! Ноги мыть не только раз в неделю в бане, а каждый вечер.

– Уф-ф, не забыть бы... – тяжело выдохнул солдат. – Слишком много наговорили...

Итак, благодаря заботам Свекольникова ёжики поселились в чреве бронемашин. Но однажды им что-то сильно не понравилось, и зверюшки принялись активно бегать, прыгать, скакать по коробке. Особенно старался длинноухий. Каким-то образом, «пустынник» выскочил из тюремной камеры – возможно, он забрался на маленького ежа и высоко подпрыгнул.

Свекольников вернулся с поста и обнаружил испуганного зверька, обнюхивающего край сиденья. «Пустынник» глядел вниз: прыгать было довольно высоко, даже для длинноногого.

– Ёжик, милый, ты куда? Вернись в коробку, глупенький. Не бойся. Я тебе «кишмиш» принес, – ласково заворковал солдатик.

– Свекольников, негодяй! – взвыл проснувшийся Игорь. – Нога ноет – еле-еле заснул! Воркуешь тут с ежами – разбудил. Пойди с глаз долой! Теперь мне всю ночь мучиться...

– Я не виноват. Это ёжик сбежать хотел. Я ему еды принес.

– Ты лучше не его, а командира изюмом угости.

– Изюма на всех хватит: и вам, и лейтенанту Ростовцеву.

– Студент-недоучка! Тебе надо с философского факультета перейти на биофак.

Свекольников угостил деликатесами и нас, и ежей, затем вытащил коробку с живностью на воздух. Осторожно пригнувшись, зверьки поедали угощения.

– Слушай меня, юный натуралист, – строго произнес командир взвода. – Можешь даже спать вместе с ними в коробке, можешь пыхтеть и фыркать дружно с ежами, но только уйди подальше. Разрешаю лечь рядом с замполитом. Но заberi эти «клубки колечки» с собой и не мешай спокойно болеть.

– Понял. Ухожу...

Шум и суeta переместились в мою сторону. Пока была моя очередь бодрствовать и проверять посты, я терпел этот «зоосад», но затем пришло время моего отдыха. А зверюшки все вздыхали, пыхтели, чихали.

Теперь я возмущен:

– Уйми зверей или уйди с ними прочь. Не надо дословно воспринимать приказ взводного. Вокруг БМП места много – марш, под дальнюю яблоню!

Кишлак заминировали и боевые действия завершились. Пришло время сниматься с позиций.

– Витька! Главное – ежей не упустить?

– Точно! – улыбнулся солдат. – Будет в нашей казарме зооуголок. Обезьянку и попугайчиков бы еще поймать...

Ох, юный натуралист! И так, ежовое «сафари» завершилось...

ЛУННАЯ РАДУГА

Очередной тяжелый рейд к границе с Пакистаном.

Привал. Охраняем перевернувшийся транспортер с ракетами. Взвод залег на ночёвку между каменным поребриком дороги и БМП. Отбиваемся от полчищ вражеских речных комаров.

Чёрная ночь мгновенно завладела ущельем – ворвалась в кишлак, словно демон зла. Мгновение – и вокруг стало темно – ни огонька.

В ущелье довольно тихо: армия ушла далеко за перевал, ни звуков стрельбы, ни рёва двигателей не слышно. Местные жители ложатся спать сразу с заходом солнца – вероятно, у них потому так много детей. А чем еще можно заняться в кромешной тьме, имея гарем?

Ночь хороша своей прохладой, но одновременно и ужасна – обволакивает липкий страх. Какие-то шорохи, вскрики птиц, треск веток, шум ветра, далекие жуткие завывания собак – все это нервирует бойцов.

В горах ночевать спокойнее. Хуже нет остановиться в жилом кишлаке или вблизи него. Гораздо безопаснее в развалинах или в опустевшем кишлаке – покинутые дома и закоулки можно хотя бы заминировать, «сюрпризов» всяких наставить. А что можно предпринять для своей защиты, когда вокруг спуют люди и живность?

Полночь. Большая и яркая луна взошла и осветила окрестности. Собаки заметно осмелели и принялись задорно таякать во дворах, словно они переговаривались и одновременно успокаивали друг друга. Внезапно поднялся сильный ветер, и вокруг лунного диска возникло широкое яркое свечение, которое постепенно все увеличивалось и, наконец, захватило почти весь видимый небосвод.

Замычали коровы, заблеяли овцы, проснулись и подняли галдеж птицы, а собаки словно взбесились: одни оглушительно выли, другие лаяли до хрипоты.

– Это шо, конэць свиту? – испугался сержант Дубино и грязно многоэтажно выругался. – Твою мать! Не дожить до дембеля!

– Спокойно, бойцы! Это «лунная радуга»! Поживёте с моё, ещё и не такое увидите, молодые люди! В прошлом году такой оптический эффект я уже однажды наблюдал, – постарался я как мог успокоить бойцов. – Но тогда мы сидели высоко в горах. Довольно редкое явление, однако, я его уже второй раз наблюдаю!

Дикий страх парализовал малограмотных бойцов.

– Сейчас же успокоиться! Раз замполит объясняет, что это «лунная радуга», хрен с ней, пусть будет так! Говорит – значит знает. Всем по местам, «духи» опаснее! – скомандовал Марасканов. – А ты, Никифор, откуда знаешь про это явление? Где-то прочитал?

– Ротный пояснил в прошлый раз – он где-то читал об этой «радуге». Скоро все закончится.

И действительно, вскоре свечение прекратилось, зверье успокоилось, никаких всепланетных космических катаклизмов не произошло – опять наступила тишина.

– Скажу честно, думал, «летающая тарелка» объявилась! Я в детстве много фантастики читал, – с придыханием пробормотал Свекольников.

– Если связь проспишь, будешь летающей «свеклой»! – усмехнулся взводный в усы.

– В прошлом году я тоже подумал – тарелка прилетела! – успокоил я солдата. – Инопланетяне и всё такое прочее...

– А все же было замечательно наблюдать эту твою «радугу»! Изумительное по красоте явление! – заявил Игорь. – Я человек не особо впечатлительный, но это было что-то невероятное!

– Космос загадочен, особенно когда не знаешь объяснений физических явлений. Нужно больше читать, верно, Витька?

– Так точно, товарищ лейтенант! – радостно откликнулся солдат. – Я люблю узнавать про всё таинственное и необычное.

– Тогда слушай занимательную историю, собиратель загадочного! – начал я свой рассказ. – Это было семь лет назад, на Украине, в Днепропетровске. Как и ты, я тогда много читал фантастики и приключений: был уверен в присутствии рядом инопланетян и их наблюдении за нашей жизнью. Вот однажды, как сейчас помню, двадцать седьмого октября, поздним вечером меня послали в магазин. Иду по тенистой дорожке, листва с вишен и абрикосов ещё не совсем опала, вглядываюсь в звездное небо, мелодию навсвистываю веселенькую. И вдруг что-то в небе среди звезд пронеслось. Наблюдал я за этим неизвестным объектом примерно секунды две: нечто крупное промелькнуло бесшумно, без малейшего звука, в форме огромного дельтаплана, с семью или девятью огнями по периметру силуэта. Таинственный чёрный-чёрный объект был темнее неба – промелькнул и мгновенно исчез из виду. Ветки помешали – закрыли обзор. Я выскочил на широкую дорогу, но объект исчез! Беззвучно, бесшумно, бесследно – как будто ничего и не было. Но это был не самолет и не ракета – не было слышно никакого шума двигателей. А летело это нечто на высоте примерно пару сотен метров. Скорость – около километра в секунду! Что это такое было? Таинственно и загадочно...

– Ты прямо заморозил своим рассказом! – улыбнулся Игорь, переводя дыхание. – Гляди, Витька даже рот раскрыл от изумления. Ладно, басни закончились! Свекольников, закрывай «варежку» и марш на пост!

– Товарищ лейтенант! Вы и сейчас в пришельцев верите? – переспросил толстяк Якубов.

– Гурбон, если скажу, что верю, старший лейтенант Марасканов завтра меня в психушку упечет! Настучит, чтобы должность мою захватить, скажет, мол, у замполита крыша от войны поехала!..

Бойцы ушли в темноту на посты, а я подбросил веток в костерок и подлил в кружку горячего чая.

– Ты байку травил или, правда, что-то видел? Не соврал? – уточнил недоверчивый взводный.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, не вру я! Это вовсе не плод фантазии, вызванной прочитанными книгами. Не знаю, что это такое было: секретный военный аппарат или все же НЛО, но что-то летело! К тому же я был совсем юн, спиртного не пил, если ты об этом подумал – на пьяные глаза не свалишь.

– Да, замполит, окончательно с толку сбил. Мало нам твоей «лунной радуги», так ещё пришьельцы! Тьфу, черт, теперь совсем не заснуть!..

ЮНЫЙ СТРЕЛОК

Батальонная колонна ушла к Алихейлю, а взвод на двух машинах оставили сторожить ценный груз. Утром осматриваем охраняемый объект: в реке лежат четыре упавшие с транспортера упаковки с шестиметровыми ракетами-сигарами. Металлическая арматура вокруг реактивных снарядов, сваренная из мощного уголка, кое-где смялась и погнулась. Вдвоем попытались приподнять кассеты за край или хотя бы пошевелить их – ничего не получилось.

Тяжелые!

Мимо по грунтовке двигалась и двигалась военная техника. По счастью, с нами на БМП оказался пулеметчик-таджик Зибоев. Значит, сможем без проблем общаться с местными племенами. А представители горного племени – эти уже начали проявлять искреннее любопытство. Вооруженная группа местных жителей теснилась вдоль парапета, афганцы что-то восхищенно горланили издали, о чём-то спрашивали, жестикулировали. Явно восхищены грудой нашего металла.

– Зибоев, чего им нужно? – спросил я солдата. – Что за банда?

Таджик обратился с вопросом к мужику, по виду явно главарю.

– Он говорит, отряд самообороны. Интересуются, надолго ли приехали. Опасаются, не будем ли взрывать ракеты! – перевел солдат.

– Успокой аборигенов: взрывать не будем, остальное их не касается! – ответил я переводчику.

Афганцы еще некоторое время потоптались в стороне и ушли прочь.

Экипажи занялись строительством укрытия, а тем временем очередная армейская колонна прошла мимо нашего поста.

– Товарищ лейтенант, хто-то иде к нам! – крикнул с башни сержант Дубино.

– Кто идет? – уточнил взводный. – Говори конкретнее...

– Та «духи», хто ж ешо туточки може быти! У таком захолюсте тильки «душманы» и обитають.

По дороге медленно и осторожно, боком, шли три фигуры, приветливо размахивая руками. Один одет в старую, мятую шинель афганской армии и вооруженный длинным ружьем, другой – в широком халате и опирался на длинный посох, третий – в новенькой зеленой пакистанской куртке и с автоматом Калашникова.

– Бача буру (уходи)! – замахал я руками.

– Шурави, дуст, дуст (русские, мы друзья)! – закричали афганцы в ответ. – Салам!

– Вот черт! Свалились на нашу голову гости. Что будем делать, Игорь? – спросил я озадаченно.

– А хрен знает! Может, поговорим?

– Из меня лингвист никакой. Могу сказать только «привет» да «пошел ты на...». Вот и весь словарный запас на фарси. Зибоева необходимо вызывать и быстрее! – ответил я, почесав затылок. – Переговоры, так переговоры...

– А чего с ними балакать – очередь дам вместо приветствия! Пока по нам не пальнули! – пробурчал сержант.

– Дубино, дипломат ты наш доморощенный, уймись! Живо зови толмача «мусульманина»! – велел я сержанту. – Этих трех завалим – через полчаса сотня сбежится. Никто не знает, сколько «бородатых» в горах и кишлаках в округе! Не сейчас, так ночью ползут. Хотят переговоры – будем говорить. На высшем дипломатическом уровне: чай, анекдоты, экскурсия!

– Куды экскурсия? – ухмыльнулся Мишка.

– Куды-куды... К ракетам! Пугать будем нашей мощью! – пояснил я сержанту. – Советской военной угрозой!

– Точно! Мол, этими ракетами да по их хибарам бабахнем! – улыбнулся взводный. – Хорошая мысль порой приходит даже в голову замполиту.

– Шурави, салам, салам! – забормотали подошедшие афганцы.

– Салам, аксакалы!

Афганцы бочком-бочком подошли поближе и принялись здороваться, тыкая в себя пальцами: «сарбос» (солдаты).

– Они тоже солдаты и хотят мира! – перевел с «фарси» Зибоев. – Просят ничего не взрывать, не стрелять. И не грабить.

– Скажи афганцам, что мы не грабители и тоже солдаты! Они могут быть спокойны. Мы – их друзья.

– Афганцы говорят, что друзья не приходят без приглашения и не ломают дом хозяина, – продолжал переводчик.

– Лично я тут еще ничего не сломал. Скажи им, что очень они разговорчивые! Если будут себя плохо вести, мы выстрелим вон теми ракетами, что в речке валяются. Вокруг всё взорвется! – велел Игорь переводчику. – Чтоб никто к нам не лез!

Афганцы присели на корточки у парапета и что-то оживленно обсуждали.

– Чего они галдят, Зибоев?

– Не верят, что это ракеты. Эрэсы – маленькие!

– Ну что же, начнем с экскурсии, чай предложим потом, – внес Марасканов изменения в дипломатическую программу. – Пошли, посмотрите, чем русский «шайтан-миномет» стреляет.

– Зибоев, о чём они с хитрыми рожами, глядя на тебя, «бакланят»? – уточнил я настороженно.

– Спрашивают, почему за русских воюю? Почему не с мусульманами? Предлагают к ним переходить – в кишлаке мне дадут дом и ханумка будет. А если захочу, даже две жены получу. Только мой пулемет прихватить с собой.

– И что ты им ответил? – забеспокоился взводный.

– Зачем мне столько? Денег не напасёшься, чтобы прокормить. Да и что я в их убогом кишлаке забуду? Телевизора нет!

– А если б и телевизор, и электричество, деньги и две жены в придачу? – спросил я с подозрением.

Зибоев хитро улыбнулся в усы и промолчал.

– Страна жуликов! Приходят, в дружбе кланутся, к столу приглашаешь, а сами солдата с пулеметом увести хотят! Что ж, подыграем этой шайке – обманем в ответ! – усмехнулся в усы старший лейтенант. – Бача, покупай большие ракеты, по Пакистану можно стрелять, по Гардезу.

– Спрашивает: неужели в Гардез попадет? – перевел Зибоев.

– Попадет, если хорошо прицелится! – заверил Марасканов. – Большие доски кладешь на пригорок, сверху ракету, аккумулятор подсоединяешь от «барбухайки» и – бабах! Куда хочешь, стреляй. Самым уважаемым в округе будет кишлак. Ни у кого такого «огненного шайтана» нет, а у вас будет!

– Дорого? Сколько стоит ракета?

– Сто тысяч афгани! – назвал цену товару Игорь.

– За все?

– Каждая упаковка! Всего четыреста тысяч, тебе по дружбе отдам за триста пятьдесят тысяч! – хлопнул я по плечу старого афганца. – Покупай, пока не продали соседям!

– Вах-вах-вах! – дружно закачали головами пуштуны.

– Какой хороший «ЭРэС»! Спрашивает, можно ли унести сейчас же? – перевел Зибоев вопрос командира местного афганского ополчения.

– Деньги плати – и, пожалуйста, забирай. Но деньги вперед! – поддержал я розыгрыш туземцев.

К первой группе собеседников подтянулась ещё пара колоритных личностей: один – в старом потертом кителе офицера афганской королевской армии и в шароварах, а другой – в длинной армейской шинели. За ними потянулись еще люди, количество местных жителей увеличивалось с каждой минутой. Бородачи подходили, ощупывали арматуру из толстого швеллера, гладили ракеты, втроем-вчетвером пытались приподнять упаковку – эти попытки ни к чему не приводили, ракеты даже не шевелились.

Афганцы, очевидно, догадались, что их разыгрывают, и вскоре потеряли коммерческий интерес к ракетам. Громко обсуждая аварию, случившуюся рядом с кишлаком – удалились. Остались лишь первые три афганца. Они сидели на корточках, напротив, тихо и в то же время оживленно о чем-то спорили, не сводя с нас глаз.

– Зибоев, переводы, о чем болтают! – поинтересовался Игорь. – Не тормози!

– Рассуждают, долго ли мы будем сидеть в их кишлаке? Получится ли что-нибудь у шурави украсть? Решают, что можно выпросить или обменять...

– Ты им объясни: если будут в нас стрелять, то мы тут построим заставу навсегда!

– Да, и скажи, что можем тут вокруг всё подорвать к чертовой матери. Одной ракеты хватит уничтожить все их хижиньки! – хмуро добавил я.

– Обещают вести себя хорошо и предлагают торговать.

– Жаль, нет «огненной воды», и побрякушки мы не взяли. Пустые цинки и ящики нужны? – спросил Игорь.

– Говорят, нужны! Обрадовались.

– Без продуктов на обмен ничего не получат! Надо быть внимательнее – что-нибудь сопрут! Пустые ящики и цинки меняем на рис...

– Просят на обмен патроны и гранаты.

– Обойдутся! – воскликнул я. – Сегодня просят для обороны, а завтра в спину стрельнут. Максимум, что можем им дать – канистру соларки.

Бойцы разгрузили два ящика, распотрошили четыре цинка патронов. Самый молодой афганец сбежал в кишлак и принес мешочек риса. В завершении обмена сфотографировались с пуштунами на фоне БМП.

Забавно, все афганцы, как малые дети, страшно любят фотографироваться, им интересен сам процесс – знают же, что фотки-то все равно не получат. Однако позируют с большим удовольствием и обижаются, если не хватает кому-нибудь места во время съемки.

– Местные интересуются: зачем шурави сюда пришли? – перевел Зибоев вопрос асакала.

– Мы навсегда приехали – поселимся тут! Нам нравится всё: народ хороший, река, лес, горы. Дуكان откроем, белых ханумок для вас привезем! – улыбаясь в усы, ответил Игорь.

– Дуكان – хорошо! Торговля – хорошо. Шурави-ханум – хорошо. А солдат – не надо! Солдаты – это плохо... – перевел Зибоев.

– Без нас шурави-ханум не будет! – ухмыльнулся Игорь.

– Но если вместе с вами, то и ханум не надо! – сердито заявил афганец. – У нас тут работа: охрана! За каждый километр охранения дороги и столбов вдоль нее – мешок риса от правительства.

– А если не пришлют? – заинтересовался я бартером.

– Тогда колонна грузовиков сгорит! И столбы завалим и провода оборвем! – ответил, нагло улыбаясь, бородач. – И мы свою землю вам не отдадим никогда.

– На кой чёрт она нам сдалась – одни камни да колючки! – рассмеялся я.

– Зачем тогда вы явились? – удивился афганец.

– Вы нас позвали! – пояснил я.

– Мы вас не звали. Кто приглашал – к тому и езжайте. Шурави где живут?

– В России: в Москве, в Сибири, в Ленинграде. Очень далеко отсюда. Про Ленина слышал, наверное? – развел я политпросвещение.

– Нет, а это кто такой?

– Как не слышал? Не может быть! Про него весь мир знает! Ты посмотри, Игорь, со школьной скамьи нам талдычат, что портреты вождя мирового пролетариата висят даже у африканцев в хижинах! А здесь и про Советский Союз ничего не знают, а тем более о Ленине... – поразился я дремучести аборигенов.

– Прекращай красную пропаганду вести! Скоро наши бойцы последние идеалы растеряют, – ухмыльнулся Марасканов. – Аборигены не поддаются пропаганде – хреновый из тебя Джеймс Кук.

– И славно, что я не Кук – значит, не съедят!

Рядом со мной присел какой-то мальчишка лет десяти-двенадцати, вооруженный карабином. С завистью поглядывая на мой автомат, пацан задал провокационный вопрос:

– Командор, а ты хорошо стреляешь?

Зибоев переводил хитро ухмыляясь.

Кто же признается, что плохо, тем более я почти год воюю да и стреляю вполне сносно!

– Хорошо!

– Молодец, я тоже хорошо стреляю! А в тот большой камень на горке попадешь?

Я посмотрел на горку – расстояние до неё метров четыреста. Большого камня не увидел.

– Попаду! – ответил я как можно уверенно и убедительно.

– Молодец! – похвалил бача. – Я тоже попадаю в него.

В дальнейшем общении выяснилось, что мальчишка никогда в школу не ходил, считать, читать, писать не обучен, ничего о мире не знает, зато каждый день тренируется в стрельбе и умеет попадать в большой камень с четырех сотен метров. И возможно, скоро погибнет в бою.

Такое детство, такая жизнь...

МАКАКА-ПЬЯНИЦА

Рейдовый батальон вернулся в полк после месяца боев. Надо бы отметить успешное возвращение и награды. Где взять закуску? Конечно, на продовольственном складе.

Мы подошли к закрытому ангару, и ротный принялся таранить в дверь и орать:

– Кладовщик! Отворяй ворота, пройдоха. Чем быстрее откроешь, тем меньше возьми.

Дверь с неприятным скрежетом открылась, и на пороге появился плотный прапорщик в расстегнутой гимнастерке, почесывающий большой, толстый живот.

– Привет, Василий. Ты чего такой потный? – усмехнулся хитрюга ротный. – Коробки с тушенкой прячешь по углам?

– От таких как ты спрячешь! Здорово, земляк! Давно вернулся? Болтали, что тебе полголовки снесло, а у тебя вроде все на месте. Может, тебе другую голову снесло?

Приятеля обнялись. Но прапорщик продолжал мяться на пороге, не желая впускать толпу офицеров.

– Мы чего к тебе пришли, – дело у нас, неотложное! – ротный начал напирать, тесня Василия вглубь склада.

– А ко мне просто так поболтать не ходят, всем что-то нужно. Корыстные вы все, – ответил прапорщик, сопротивляясь из последних сил.

– Васька! У меня офицеры роты ордена получили! Обмыть надо, а закусить нечем. Паёк в рейде съели, даже НЗ!

– А я причём?..

Однако преодолев сопротивление хозяина, все вошли внутрь.

В ангаре стоял полумрак и только у стойки с документами тускло светила ночная лампа. По стойке скакала обезьяна с ошейником на шее, на длинном поводке. Обезьяна была одета в короткую тельняшку.

– Это что за чучело? – искренне удивился я.

– Сам ты чучело. Это Аркашка! Макак! На кури... – Василий сунул окурочек в пасть животному. – Настоящий мужик!

Обезьяна успокоилась и принялась с наслаждением курить, что-то по-своему бормоча себе под нос.

– Вот это цирк! – поразился Ветишин.

– Это что! Бесплатный спектакль специально хотите? Аркадий Михалыч, водку пить будешь? – поинтересовался прапорщик.

– Угу-угу, – зверь запрыгал, заверещал.

– Скотина, а все понимает. Коньяк обожает больше, чем фрукты, но водку почему-то не любит, – заулыбался прапорщик и погладил зверя по голове. – Гурман.

– Откуда он у тебя? – удивился ротный.

– Полгода назад разведчики привезли из Джелалабада. Поначалу питался только апельсинами, яблоками и бананами, а теперь жрет всё подряд – только дай. Голод не тетка! Но где я ему столько бананов наберу? А пьяница! Если выпиваем и ему не наливаем, драться лезет, а как напьется, песни свои обезьяньи горланит. И окурочки ворует. Курить научился...

– Прямо как человек! Видимо, Дарвин был прав, мы с обезьянами имеем общего предка... – ротный громко засмеялся.

– А почему Аркаша? – заинтересовался я. – Что-то очень знакомое – ассоциации с кем-то из начальства...

– Так ведь начальник политотдела Севастьянов Аркадий Михайлович! Он как-то проверять склад заявился: увидал макака и гладить полез. Аркадий этого не любит – сурьёзный зверь! Тяпнул начпо за палец. Полковник спрашивает, мол, как зовут? Я брякнул, что Аркаша, и чуть язык не проглотил. Твой политический босс сморщился: как-как, почему так назвали? Вижу – не понравилось... Мы стали его убеждать, что полковнику послышалось: не Аркаша, а Алкаша. Созвучно, мол, послышалось. Всё равно не понравилось. В итоге объявил выговор за курение в помещении на рабочем месте, говорит, был какой-то приказ Министра обороны.

– Инфаркт не хватил полковника, когда макак за палец укусил?

– Вроде живёхонький уехал – по коробке тушёнки и сгущёнки с собой прихватил. Но выговор записал в карточку. Сволочь!

Мы дружно посмеялись, а прапорщик расщедрился и вдруг предложил:

– Ребята, а давайте бахнем по сто грамм за вашу удачу и возвращение живыми!

Василий разлил по французским стаканам спирт, достал банку огурцов, торжественно произнёс:

– За замену! Чтоб вернуться всем живыми!

– Вздрогнули! – выдохнул ротный и крякнул выдыхая. – Итак, чего даешь на закуску?

– Банку тушенки, банку килек и банку лосося, сало в банках. Огурцов из бочки набирайте и дам пару банок салатов.

– Начальству целую коробку, а нам по банке... Не густо, на десять ртов.

– Прикажете мне склад настезь распахать? Скромнее будьте. Меньше ешьте, больше пейте, скорее свалитесь под стол, тогда точно на всех хватит. Сейчас еще танкисты и артиллеристы подойдут. Берите, что дают, и уносите ноги.

В этот момент обезьяна допила из чьего-то стакана остатки спирта и пришла в необычайное возбуждение – принялась швырять вилки, стаканы, перевернула пепельницу.

– Аркашка, скотина, алкаш проклятый! Пошёл вон, – заорал прапорщик и дал обезьяне звучную затрещину.

Макак обиделся, заскочил на жёрдочку и принялся оттуда плевать, корчить рожи и пронзительно орать.

– Заткнись, скотина, больше не налью! – пожурил Василий обезьяну и кинул банан.

Макак схватил угощение на лету, моментально ошкурил и сжевал.

– Побольше корми зверя, а то, не закусывая, сдохнет, – посоветовал на прощание ротный. – Бывай, Василий! Покудова, Аркаша!

– Уа-ха-ха! – заверещал зверь и бросил в нас от избытка чувств кожуру банана.

ПРОГУЛКА С ДУШМАНАМИ

Две боевые машины, одна за другой, катили по вражеской земле по сухому руслу. Параллельно нашему курсу в небе летели четыре вертолета. Песок и пыль, поднимаемые гусеницами машин, создавали длинный шлейф позади нашей колонны. Треск моторов был слышен на многие километры вокруг, поэтому противнику обнаружить нас легче легкого.

Механик второй машины вдруг резко сократил дистанцию и в непроглядной пыли, потеряв дорогу, съехал чуть в сторону с твердой накатанной колеи.

– Стоп, машина! Сдавай аккуратно назад, зацепим тросом и вытянем, – распорядился я.

Первая машина начала объезжать застрявшую, и тоже увязла левой гусеницей в зыбучем песке. Черт! Это называется лучшие водители роты! Обе машины посадили!

– Зибоев, прыгай с брони и замаскируйся с пулеметом в камнях. Пушки влево на кишлак! Операторы, наблюдать! – заорал я солдатам.

Бойцы сняли привязанные сзади на машинах бревна, принялись собирать камни, ветки, подкладывая их под гусеницы. Затем в ход пошли лопаты. Работы – непочатый край! Машины накренились в разные стороны и плотно сели по брюхо.

Солнце вошло в зенит и принялось нещадно припекать. Это не самая большая беда, которая может приключиться. Лишь бы из безоткатного орудия или гранатомета не бахнули из-за дувалов – расстояние до них всего метров двести.

Внезапно из зарослей появилась группа вооруженных аборигенов и направилась к нам, приветливо размахивая руками и что-то гортанно выкрикивая.

– Зибоев, чего они орут? – насторожился я.

– Не слышно, сейчас подойдут поближе, разберусь, – пообещал пулеметчик, взяв на мушку афганцев.

– Пока не прикажу, огонь не открывать. Сначала ведем переговоры, потом, может быть, стреляем. Кто знает, сколько их там в кустах. Будем надеяться: эти люди не из банды Карима.

— Командыр, они говорят, что отряд самообороны, ополченцы, — перевел таджик после переговоров с бородачами.

Подошедшие к нам афганцы были вооружены кто чем: двое с «Калашниковыми», один с карабином, и самый старый с древним мультуком (старинное длинноствольное ружье). Замерли чуть в стороне, держа оружие вниз стволами, всем видом показывая, что намерения у них самые мирные и дружественные, а четвертый приблизился к нам.

— Салам, командир! — поздоровался старик, протягивая руки для приветствия.

— Салам, аксакал! — ответил я, пожимая сморщенные шершавые коричневые руки.

«А ведь тебе лет сорок пять! Но вид — как будто ровесник века», — подумал я, вглядываясь в незваного гостя. Мужичок с понимающим видом посмотрел на машины, присел возле траков и что-то быстро заговорил.

— Просит нас не стрелять по кишлаку и отвернуть пушки. Там — мирные люди! — перевел пулеметчик. — Только друзья...

— Пушки не развернем, но стрелять без причины не будем, — успокоил я парламентаря.

— Мужик предлагает проводить к нашему посту, за помощью. Пост близко, за деревьями, метрах в трехстах. Может, сходим, товарищ старший лейтенант?

— Мирзо, скажи ему, что двое останутся тут — заложники. А двое пойдут со мной проводниками!

— Они согласны, — сообщил переводчик.

— Это хорошо. Зибоев, идешь за мной и, если засада, вали всех из пулемета! Лебедев, прикрываешь пулеметчика, а я пойду рядом с этими бандитскими мордами. В плен не сдаваться! Себе — последняя граната.

Бородатые рожи наших добровольных помощников действительно были не внушающими доверия. Афганцы улыбались изо всех сил, однако эти улыбки выглядели натянутыми.

Одеты в грязные рваные халаты, босые ноги в галошах, ремни и нагрудники увешаны гранатами и снаряженными магазинами, в которых было полно патронов, за поясами — острые большие ножи. Надежные проводники, нечего сказать.

Я снял автомат с предохранителя, дослал патрон в патронник и повесил его на плечо, направив ствол в спину ближайшего аборигена.

— Буру! — сказал я афганцам, что означало «вперед», и махнул рукой.

Мужчины пошли вперед, оглядываясь время от времени, и что-то тихо говорили друг другу.

Я достал потихоньку из «лифчика» гранату, сунул палец в кольцо и разжал усы. Если что — раз и привет! Будет общая могила с этими друзьями. Кто их знает, что у них на уме на самом деле.

Озираясь, мы брели по тропе между деревьями и кустарниками вдоль высокого дувала. Потом залезли на широкую стену и пошли по ней. На нашем пути из зарослей выглядывали женщины, дети, какие-то мужики со злыми лицами. Вот впереди на поляне показался высокий глинобитный дом.

— Шурави! Пост! — сказал один из афганцев, показывая рукой на строение.

На краю дороги табличка на столбе: «Осторожно, мины!», рядом другая с надписью: «Стоять, назад, стреляют!» — и ниже еще что-то на местном языке.

Вот дела! А как же пройти? Мины! Да еще могут со страха с поста очередь полоснуть. Вон пулеметный капонир, рядом танк в окопе, а чуть дальше за высоким бруствером

ром БМП. И вся поляна затянута паутиной из проволочного малозаметного препятствия и мотки колючей проволоки.

Проводник, на удивление, хорошо ориентировался и знал проходы. Мы подошли ближе и он заорал кому-то за стеной на ломаном русском:

— Шурави! Не стреляй! Друзья!

Часовой откликнулся:

— Проходи!

Подошли к массивным воротам, афганец дернул за подвешенную связку склянок. Хороший звонок!

Калитка отворилась, оттуда высунулся заспанный солдат:

— Чаво пришли? Кто такие? Чаво нада?

— Боец, проводи меня к старшему поста, я старший лейтенант из первого батальона! — ответил я хмуро.

— Все, что ли, с первого? — ехидно произнес солдатик.

— Не ухмыляйся, умник, это проводники. Веди к начальству, — подтолкнул я в грудь юмориста.

— Кто тут ко мне пришел? — недовольно спросил вышедший из бункера на шум капитан.

— Ростовцев, замполит первой роты! — представился я, здороваясь с хозяином заставы.

— А-а-а. Привет! — протянул, зевая, офицер.

Это был заместитель командира второго батальона по политчасти.

— Мою должность прибыл принимать? — капитан грустно улыбнулся.

— Да нет. Дорогу в дивизию ищем. Шучу! Техника у реки завязла в песке. Нужен танк или тягач: дернуть машины на дорогу. А должность вашу, не буду отрицать, предлагали, но я отказался. В своем батальоне остаюсь.

— Жаль, что отказался, я бы в какое-нибудь спокойное место уже уехал. Сажу тут неделю, как отшельник.

— Танком поможете?

— Не могу. Аккумуляторов нет. Зампотех увез в полк, на зарядку, неделю назад. Там его с должности сняли. Теперь ни зампотеха, ни аккумуляторов.

— Бывает...

— Да, бывает. Ладно, ступай пешком в штаб дивизии по этой грунтовой дороге. Там помогут.

Мы вышли за ворота, и Самсонов с искренним удивлением вытаращился на сидящих у стены афганцев.

— А это кто? Ты с ума сошел, с басмачами бродишь по зеленке! — воскликнул капитан. — Это же типичные душманы.

— Уверяли, что отряд самообороны. Дорогу показали и по проходкам в минных полях провели, — ухмыльнулся я в ответ. — Все про нас знают, вернее, про вас...

Я тепло простился с капитаном, с «духами»-проводниками и потопал с бойцами по тропе в дивизию.

ВЫСТРЕЛЫ В СПИНУ

Солнце стояло высоко и сильно припекало. В кишлаке тишина. Клонило в сон – отдых на природе.

Ломая на бегу кустарник, к нам бежал какой-то солдат. Перепрыгивая через плеть виноградной лозы, он зацепился за нее сапогом и, громко выругавшись, упал. Сидящие у костра солдаты засмеялись над неумехой.

– Товарищи офицеры! Помогите! – громко заверещал солдат, вызвав очередной приступ массового смеха.

– Иди сюда, поможем, – улыбнулся ротный Саня Мандресов, а для друзей – Марабу. – Ты только выползи из кустов.

Солдат на четвереньках выбрался из зарослей и заголосил, размазывая по щекам слезы.

– Спасите! Там наших всех убили! Взводный при смерти. Славка и Серёга лежат, отстреливаются. Меня за подмогой послали...

Молодой, смертельно испуганный солдат дрожал всем телом и готов был рухнуть замертво. Мандресов дал бойцу пощечину, приводя в чувство. Плечи солдата сотрясались от беззвучного плача.

– Объясни толком! Ты кто? Откуда? Кто напал? Где остальные? – сыпал вопросами ротный.

– Я – сапер, отдельный инженерно-саперный батальон. Наша группа прошла утром мимо вас вместе с «зеленым». Эти «царандоевцы», вероятно, сговорились с духами и сдались в плен или разбежались. Душманы появились сразу отовсюду. Взводный в этот момент установил «охоту», и оставалось два фугаса возле кяриза заложить. Вдруг бандиты вылезли из всех щелей и принялись стрелять. Четверых – наповал, в том числе и лейтенанта. Славка крикнул, чтобы я бежал за вами, а сам остался отстреливаться, прикрывая раненых. Это рядом, идти метров триста пятьдесят.

Мандресов поднял на меня глаза, в них – немой вопрос: «Бежим на помощь?»

Я поправил на груди нагрудник-разгрузку, по-нашему, по-простому – «лифчик»:

– Сашка, давай заведем БМП в джунгли и лупанем прямой наводкой. На ней раненых и убитых вывезем.

Старший лейтенант кивнул в знак согласия и принялся громко орать:

– Рота, подъем! Взять оружие и боеприпасы! За мной!

Я огляделся: сколько тут нас? Четыре офицера, старшина, двенадцать бойцов. Плюс двое – экипаж бронемшины. Теоретически еще три сапера, если они живы. Все равно мало. Кто знает, сколько человек в банде? Рота афганских союзников просто растворилась, как и не было ее. Перебили? Предали и переметнулись на сторону мятежников? При втором варианте сил у противника еще больше – около сотни стволов. Плохо! Одна надежда на БМП.

– Саня, вызывай танкистов, пусть танки на подмогу пришлют, – подсказал я ротному. – Не справимся иначе – слишком много духов. Берите больше патронов! Каждому «муху», гранаты!

Поплевав через левое плечо, я поцеловал на счастье свой номерок и шагнул вперед навстречу неизвестной судьбе.

Сапер побежал обратно по тропинке, показывая дорогу в лабиринте дувалов и арыков, а мы за ним.

«Черт! Черт! Черт!» — пульсировало в голове. Ну почему мне так не везет? Сидел бы себе на КП батальона, и все события прошли бы мимо меня. А теперь снова угораздило лезть под пули. Подполковник Подорожник опять скажет, что я специально лезу на рожон, подтверждая Героя.

Где-то недалеко шла интенсивная стрельба, слышались разрывы гранат. Значит, кто-то живой и отбивается. Пожухлая листва мешала разглядеть, что творится впереди в зарослях — видимости никакой, даже в десяти метрах.

— Фадеев, брось гранату за угол, — приказал я сержанту.

Бабах! Граната, не перелетев стену, взорвалась в кустах, отскочив обратно от края дувала.

— Писарюга, ты очумел! Чуть осколками не зацепило! Хорошо, РГД кинул, от «Ф-1» ко-го-нибудь точно ранило бы. Опять хочешь орден?

Сержант оскалил зубы в улыбке, но не ответил. Свой орден он получил благодаря осколку от собственной гранаты — по ранению.

Я швырнул вторую гранату точно за угол — никто не застонал, не заорал, значит, путь свободен. Свернули за угол. Шли двумя цепочками: впереди сапер, за ним я, Калиновский, Шапкин, следом топали бойцы. Вдоль соседнего забора подбирался Мандресов со своей группой и старшина роты. БМП рычала двигателем где-то сзади, пробивая, словно бешеный носорог, дорогу в саманных стенах и зарослях.

Вскоре вышли к широкому двору, а за ним улочка и опять высокая стена. Мы сразу наткнулись на другого сапера, отстреливающегося от невидимого противника. Сбоку, метрах в десяти, лежал, прикрывая фланг, еще один солдат.

— Где духи? — спросил у бойцов Мандресов.

— На дальнем конце двора. Несколько «бородатых» за арыком в тех трех разрушенных домах. Наши лежат возле кяриза.

Я осторожно выглянул и увидел двух солдат, прячущихся в неглубоком арыке и перевязывающих друг другу раны. Рядом два мертвых бойца, у колодца среди травы и веток еще два тела.

— Кто валяется в кустах? — спросил я у сапера.

— Взводный, а с ним еще Хализаев.

— Сашка! Давай сделаем так: я с Калиновским и четырьмя бойцами обойду двор с тыла. А ты, когда мы ударим по духам, иди в атаку. Соединимся и вынесем убитых, — предложил я.

Командир роты кивнул головой в знак согласия.

— Фадеев, Хаджиев, Муталибов, вперед с замполитом батальона! — скомандовал Мандресов. — Старшина, ты тоже иди с ними. Сейчас броня подойдет, и мы под ее прикрытием атакуем.

Я пропустил дозор и пошел следом за ними. Пробравшись сквозь виноградник, мы уперлись в стену, в которой оказалась большая дыра. За ней открылась улочка, тянущаяся в глубину кишлака в обе стороны. Проскочив через эту дыру, можно было подкрасться к воротам во двор, где лежали саперы. Осторожно выбрались на дорожку и направились к входу в дом. Духи, уверенные в победе, свое внимание сконцентрировали на дворе, а про вход, казалось, забыли. Я перепрыгнул через небольшой арык и прислонился к дувалу. Такие метровые стены не пробьешь, наверное, и выстрелом из

танковой пушки. За долгие годы глина сцементировалась и спрессовалась под обжигающим афганским солнцем. Монолит!

Я крался по узкой бровке с замиранием сердца: вдруг сейчас дойду до угла и получу очередь в грудь. Не хочется лежать с дырками в теле в этой осенней грязи. В принципе, валяться убитым не хочется ни в снегу, ни в песке, ни в траве. Кровь лихорадочно пульсировала у виска, руки нервно подрагивали. Вот он, край стены, а за ним неизвестность.

Пригнулся, присел на колено и чуть подал корпус вперед, высунув ствол автомата. Грамднее облегчение: впереди несколько деревьев и пустое поле, за углом никого нет. Параллельно мне, через дорогу, по глубокой канаве, втянув голову в плечи, шел Шапкин. Махнул, показывая, чтоб не высовывался. За поворотом раздался сильный взрыв, и я слегка присел. В это же мгновение в стену ударила автоматная очередь, которая выщербила несколько кусков глины — над головой и на уровне плеча. Инстинктивно упал на спину и затем перевернулся на бок — едва не дал очередь в ответ, сдержался. Метрах в двадцати лежал афганец и над ним склонился старшина.

— Замполит! Я тебя спас! — заорал Рома.

— Резван! Дорогой ты мой! Откуда он взялся? — вскричал я.

— Пацан из-за дувала прыгнул и начал целиться. Я вистрелал, а он, гад, успел очередь пустить. Но пуля выше пошла.

— Старшина, не пуля, а длинная очередь! Но если бы не ты, лежать бы мне в арыке, вонять и разлагаться!

Я подошел на ватных, дрожащих ногах к телу поверженного врага. Повернул носком кроссовка убитого в свою сторону. Загорелый мальчишка лет двенадцати-четырнадцати.

Одет в коричневую рубашку на выпуск до колен, серые шаровары, босые ноги в галошах, «лифчик» с магазинами и автомат. Грязный, чумазый, сопливый.

— Боевик хренов! Чуть не укокошил меня!

В ушах звенело. Я потряс головой, но звон не прекратился.

— Товарищ старший лейтенант! Можно я ему уши атрэжу? — обратился ко мне сержант Мурзаилов, доставая огромный тесак.

— Саид, тебе хотелось бы остаться без ушей?

— Нэт.

— Ну и он этого не хотел. Пусть к Аллаху отправляется с ушами и прочими причиндалами. Не уродуй труп.

— Он вас мал-мал не убил, а вы его жалеть, — ухмыльнулся прапорщик Халитов.

— Черт с ним, Рома! Не будем уподобляться дикарям и вешать уши на веревочку, словно бусы. Понял?

Мандресов выбежал из двора, уставился на труп и трофейный АКМ.

— Ого! Кто его так? Вы, Никифор Никифорыч?

— Да нет, Александр Григорыч! Это твой доблестный старшина приложился, припечатал балбеса к земле. Очередь от шеи до жопы. Почти располовинил. Чаше его в рейд бери. Молодец, не растерялся! Нас с Шапкиным спас — заработал орден! — ответил я.

— Вах! Я же говорил, что нэ зря пошоль на войну! — обрадовался прапорщик.

— Что там во дворе? Духи где? — спросил я ротного.

— Ушли по кяризу. Мы их обложили с двух сторон, они и сбежали. Четыре сапера мертвы, двое ранены и контужены. Вовремя мы к ним добрались, у ребят патроны заканчивались.

— Саша, забрасывайте колодец дымами, пусть там сдохнут!

— Уже закидали.

— Трупы духов остались?

— Нет, они раненых и убитых унесли. Пакеты перевязочные, кровь, шприцы, бинты валяются. А тел нет.

— Где БМП?

— Подошла с той стороны, за стеной стоит, — махнул рукой в сторону двора Мандресов.

— Пусть бьет вдоль поля, прикроет нас чуть-чуть! — громко крикнул я.

— Никифорыч, ты чего орешь? Тебя хорошо слышно.

— Зато я сам себя плохо слышу. Оглушило немного.

— Впереди в винограднике четверо духов валяются. Их из пушки срезал наводчик. Может, сходим за автоматами? — предложил Мандресов. — Трофеи как-никак.

— Сообщи комбату и спроси разрешения. Танк идет сюда или нет?

— Два танка уже подошли к КП роты, сейчас ползут сюда. Приказали обозначиться красными ракетами.

Я присел на поваленное дерево, чтобы унять дрожь в ногах, и начал тереть контуженые уши, а Мандресов отправил вперед, к следующему дому, трех бойцов с Грищуком. Едва ребята вошли в виноградник, как попали под обстрел.

— Саня, прикрой! — крикнул я ротному, срываясь с места. — Муталибов, Шапкин, за мной!

Мы перескочили через невысокую стену, и тотчас перед нами, метрах в десяти, разорвались две минометные мины, и виноградник вспороли автоматные очереди, а затем по нам выстрелило безоткатное орудие. С разбегу упал в кустарник, обдирая лицо и руки.

Уф-ф, вроде бы осколки просвистели мимо. Все цело, ничего не болит. Не задело...

Ползком и перебежками, на четвереньках, мы добрались до развалин двухэтажного домика. Вместе с Муталибовым поднялись по пыльным ступеням на второй этаж. На полу, осторожно выглядывая в окно, лежали солдаты. Пули стучали по стене, осыпая глину и откалывая щепу от деревянных балок потолка.

Зибоев заряжал пулеметную ленту, что-то тихо напевая.

— Мирзо, о чем поешь?

— Да мало-мало о девушках пою. Успокаивает...

— Духов много?

— Очень. Там впереди окоп, блиндаж и штабель выстрелов к безоткатному орудью. В яма миномет стоит. Наверное, скоро сюда гранатой стрелнут. Сапсем плёхо будет всем нам.

Поднял глаза на уровень края окна – увидел бородатого главаря, руководящего бандами, которые разворачивали безоткатное орудие в сторону позиции Мандресова.

Прицелившись, я выпустив длинную очередь в половину магазина. Главарь упал, но безоткатка успела выстрелить. Зибоев высунул ствол ПК и скосил очередь оставшийся расчет. Из блиндажа выскочил гранатометчик и, не целясь, выстрелил в нашу сторону. Промахнулся, попал в стену. Пыль, куски глины и дерева посыпались сверху. Я осторожно посмотрел в проем, одновременно перезаряжая пустой магазин. Автоматчики противника засыпали нас очередями, из окопчика вылез еще один гранатометчик.

— Бойцы! Бегом вниз – сейчас накроют! — заорал я солдатам.

За три секунды мы спрыгнули на среднюю площадку лестницы и укрылись в какой-то нише. Бах-бах!!! Две гранаты завалили крышу и проем между двух окон. Вовремя ушли.

В хибару ворвался окровавленный сержант. Из открытого рта Ходжаева фонтанчиком брызгала кровь. Над гортанью зиял глубокий порез, а из подбородка торчал осколок.

— Хамзат! Что с тобой, брат? — вскричал Муталибов, подхватив на руки земляка.

Раненый промычал что-то в ответ, вытаращив огромные глаза-маслины, открыл рот и выплюнул ярко-красный фонтан.

— Гасан! Перевязывай! — скомандовал я Муталибову. — Быстрее, а то твой земляк кровью истечет.

— Я не могу, у меня руки дрожат! Я не люблю кровь! — громко прокричал Гасан. Он схватил за плечи раненого и заорал еще громче: — Брат, не умирай!

— Где медик? Ташметов! Тащи сюда Авлеева!

В комнату заскочил санинструктор и принялся перевязывать раненого, наматывая массу бинтов на голову. Сержант-медик бросал на меня испуганные взгляды, помня о своей недавней оплошности с выпитым кровезаменителем в рейде под Талуканом.

— Авлеев! Быстрее ведите раненого к броне. Остальные — прикрывать отход.

Мы побежали, оглядываясь по сторонам и пригибаясь в ожидании пули в спину или осколка. Сильный взрыв ударил по ушам и мозгам, засыпав землей воронку, куда мы успели упасть.

Выскочили из укрытия и наткнулись на лежащие тела и мечущихся раненых. Кровь, всюду кровь.

Танк, выползший через пролом в стене, стрелял на ходу в сторону блиндажей и безоткатного орудия. БМП стояла кормой к нам, развернув пушку в сторону бородатых, и тоже била короткими очередями. В открытое десантное отделение бойцы усаживали Хаджиева, а Мандресов вел под руку окровавленного лейтенанта Грищука.

— С-саня, как это с-случилось? Что т-тут б-было?

— Никифорыч, какой-то кошмар! Мины. А еще из безоткатки попали в борт БМП. Тех двух саперов, прежде чудом выживших, — наповал. Грищука зацепило.

— А г-где К-Калиновский?

И тут мы с Мандресовым заметили торчащие чьи-то ноги из арыка, не сговариваясь, бросились туда и вытянули старшего лейтенанта.

Гимнастерка Калиновского была пробита осколками – сплошь окровавленные обрывки ткани, голова и тело залиты кровью, серо-зеленое лицо казалось совершенно безжизненным, щеки и подбородок посечены осколками, а во лбу страшная рваная кровоточащая рана.

— Саня-я-я! — дико заорал ротный, прижав к себе раненого.

— М-Мандресов, не ори, м-может, еще в-выживет! Он дышит! Я и не т-такие раны на г-голове в-видел! Надо б-быстрее в г-госпиталь! К-к черту в-войну! Отходим!

Четырех мертвых саперов забросили спереди на ребристый лист, Гришу посадили к Хаджиеву в левый десант. Калиновского аккуратно затащили в правый отсек, а Фадееву и двум раненым саперам, не нашлось места на этой колеснице смерти – кривясь от боли, поплелись следом за бронемашинной. Уцелевшие солдаты и офицеры расстреливали магазин за магазином по сторонам. В конце колонны полз танк, развернув назад башню и огрызаясь последними снарядами. Скорее из этого ада...

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Колонна медленно выползала после недолгих, но тяжелых боев из Панджшерского ущелья и, дымя двигателями, устремилась к трассе на Кабул. Мы проезжали захудалый кишлак, и мальчишки-оборванцы, сидевшие на заборах-дувалах, свистели, швырялись камнями и стреляли из рогаток. Солдаты в ответ направляли на них оружие, кидались сухарями, пустыми банками...

На выезде из населенного пункта располагались три больших хороших дома, с ухоженными садами. На крышах телевизионные антенны, окна застекленные, дорожки выложены камнем. У калитки девочки в юбочках, блузках и белоснежных платочках, и мальчишки, одетые в рубашки и брючки. Ребятя дружно махала нам руками и улыбалась. Эти дети излучали дружелюбие и симпатию к нам.

— Слушай, комиссар! Ответь мне, как укладывается в ваши идеологические каноны то, что нищета нас люто ненавидит, а сытые и хорошо одетые обожают? — спросил насмешливо «Чапай». — Должно быть наоборот! Мы им несем равенство, свободу, право на землю. Счастье всем обещали, социализм планируем построить...

Я промолчал и задумался. Что сказать? Сам не знаю, но ради того, чтобы эти девочки ходили в школу и могли жить без паранджи, я готов еще немного повоевать с религиозными шизофрениками.

— Может быть, дети бедняков увидят новую цивилизованную жизнь на своей земле и поймут, что мы несем им благо? — продолжил комбат размышления вслух. — Заставили ведь мы своих мусульман из среднеазиатских республик жить цивилизованно и по нашим законам...

— Василий Иванович! Но чтобы их заставить, пришлось с басмачами воевать двадцать лет! Сколько народу погубло за эти годы!

— А думаешь, мы здесь мало истребили?

— Пройдет еще лет десять, и может быть, добьем всех недовольных? Заставим улыбаться при встрече с шурави не только днем, но и ночью.

— Считаешь, отобьем желание держать в руках оружие? Посмотри, какая военная мощь сконцентрирована!

— Не можем не заставить!

— То есть заставим быть счастливыми и загоним штыками в социализм?

— Загоним!

— Эх! Может, не в социализм, но в рамки государственного устройства такого общества, какое мы определим! — решительно воскликнул Подорожник. — И вообще, комиссар, эти речи должен не я толкать, а ты.

Я задумался.

«Н-да, дилемма. Дорога к счастью по горам трупов. А надо ли это аборигенам? И как их спросишь? Моя-твоя не понимай. Твоя-моя не узнавай. Они для нас все на одно лицо, а мы для них. Обитаем на одной Земле, а образ жизни, словно мы с разных планет!»

ГОСПИТАЛЬ

Комбат в последние дни был совсем не в духе.

— Комиссар! Не пора ли тебе посетить госпиталь? Там почти взвод раненых лежит!

— Давно собираюсь, но никак не могу решиться, — смутился я. — Как представляю искалеченного Калиновского да бойцов без ног — мороз по коже и дрожь в коленях. Третий день откладываю. Ну и с пустыми руками ехать не хочу. А денег на гостинцы нет.

— Мысль верная. Сейчас в ротах наскребем: упишь соки, «Si-Si», мандарины, бананы, еще чего-нибудь, а Берендей со склада сгущенку возьмет. Одному, наверное, тяжело будет нести, прихвати для компании пару офицеров и пару солдат. Большую толпу не собирай, занятия сорвешь.

— А вы сами не поедете, что ли?

— Нет. Зачем людям настроение портить. Я ведь для них цербер, мучитель, службист. Нет! Да и не могу я — после контузии толком не отошел. Разволнуюсь, еще заплачу... А комбат должен быть кремень! Глыба! Скала! Пожалуйста, без меня. Но передай от отца-комбата привет обязательно! Ну и сам не подавай виду, что страдаешь, жалеешь. Сочувствуй, но будь оптимистичен, добр и жизнерадостен — поднимай раненым настроение. Тоски и уныния в госпитале и так предостаточно!

Моей жизнерадостности и оптимизма хватило только до первой палаты, где лежал Гришук с перебитой рукой, закованной в гипс. Парень кривился от боли, хмурился, но был рад встрече с нами. Запах лекарства стоял в палате плотной стеной и окутывал всякого входящего. В офицерском отделении несколько человек были с ампутированными конечностями. Кто без руки, кто без ноги — отвоевались мужики. Этим несчастным предстояла путь-дорога домой, а не выписка, как, например, Грише предстояло вернуться обратно в батальон.

Один из инвалидов, без обеих ног, сидел в кресле-каталке у окна и задумчиво смотрел в небо. Что ему еще предстоит хлебнуть в этой жизни?! Хорошо, если тыл крепкий и надежная жена. А вдруг совсем наоборот?

В большой палате, где находился Калиновский, стояла тишина. Черепно-мозговые травмы не располагали к разговорам. Большинство либо спали, либо лежали в забытьи, лишь изредка кто-то тихонько стонал.

— М-м-м... Вы кто такой, молодой человек? — остановил меня у порога врач.

— Я замкомбата из сто восьмидесятого мотострелкового. Тут лежит мой подчиненный — Саня Калиновский. Хотелось бы повидаться. Как его самочувствие? Когда выздоровеет?

— Зайдите ко мне в кабинет, сейчас кое-что объясню! — строго сказал доктор и увлек меня за собой.

Усевшись за столом, он раскрыл какую-то папочку с записями и, крутя в пальцах карандаш, начал не спеша, задумчиво говорить:

— Понимаете, ранение этого пациента очень сложное. Чрезвычайно! Дальнейшие перспективы туманны. Мы ему сделали трепанацию черепа. Что можно, подчистили: три осколка в лобной части вынули, но четвертый прошел большой путь и застрял в районе мозжечка. Трогать его никак нельзя.

— Трепанация? Это что же, череп вскрывали?

— Ну, это сложная операция, зачем вам эти тонкости и подробности объяснять? В целом успешно проведен цикл мероприятий реанимационного характера. Теперь дело за ним самим. Организм молодой, крепкий, должен вытянуть. Главное — никаких волнений. Оставшийся осколок может много бед наделать. Всякое бывает. Один проживет много лет, почесывая разmozженный затылок, а у другого — раз и мгновенно летальный исход, такое случиться, может в любой момент. Не нервничать, повторяю, и не травмировать голову. О возвращении в ваш батальон не может быть и речи. Только проститься, за вещами и домой. Да и, пожалуй, можно забыть и о службе, ведь ему нужно год-полтора, чтобы вернуться к нормальной жизни, восстановиться. Вы его тело видели?

— Конечно, я ж его в десант загружал!

— Это вы Александра в хэбэ видели, а под ней сплошное решето. Мелкие осколки удалили, они не страшны. Ранения пустяковые, но их полсотни. Кровопотеря была огромная. И вообще, парень перенес очень много. Не каждому выпадает столько испытать, сколько вашему старшему лейтенанту. А вы спрашиваете меня, когда вернется в строй...

— Ну, это я так, из лучших побуждений, себя успокаиваю.

— Вот и хорошо, а теперь идите и излучайте оптимизм и ободряйте товарища. Только положительные эмоции! Шутки. И умоляю — громко не разговаривайте — в палате находится два пациента в состоянии еще более худшем.

Сашка лежал с закрытыми глазами, но, услышав рядом движение, открыл глаза и, узнав меня, чуть улыбнулся. Белые застиранные простыни, на которых он лежал, казались чуть бледнее его самого. Тело Калиновского — руки, туловище, пах, шея — было усыпано пятнами зеленки и йода в местах, где удалили мелкие осколки. Тело я увидел, когда он, откинув простыню, попытался встать: ранки в основном уже зарубцевались, и лишь корочки запекшейся, подсохшей крови указывали на места ранений. Гладко выбритая голова слегка покрылась неровным пушком — щетиной подрастающих волос, а кожа на выбритой голове была покрыта рубцами и швами. По лбу шла полоса багрово-синего цвета — место трепанации.

Комок подкатил к горлу. Слезы наворачивались на глаза, и я с трудом сдержался. Напрягшись, сумел все же более-менее бодро произнести:

— Привет, Санек! Ты молодец! Как огурчик! Свеженький, отдохнувший. Вот тебе бананы, мандарины, сок, минералка!

Сашка сделал судорожное движение, пытаясь приподняться и встать.

— Лежи! Дружище, не вставай! Мы с тобой еще погуляем, но в следующий раз. Как дела?

— Я-а-а. Нэ-э...м...м...ма...а...гу...х...х...о-о-ро-шшо го...оо...о-о-ово.

— Все-все! Молчи! Понял. Не напрягайся. Лежи. Болтать будем через неделю, когда опять приеду. Лучше слушай!

Я начал перечислять новости. Потом поболтал минут пять о погоде, о футболе, затем Саша едва слышно, но внятно произнес:

— С-с-с-па-а-си-боо! И-и-дии... Я по-о-о-ле-жу-у-у, — и устало закрыл глаза.

Я оставил на тумбочке пачку газет, напитки, фрукты на тумбочке и осторожно вышел. Какой был красавец, крепкий, здоровый парень! И вот что с ним сделала война. Всего лишь пригоршня осколков в голове, а человек превращается в собственную тень, в растение.

Еще страшнее и мрачнее была картина в палате, где лежали два моих солдата, лишившиеся ног. Один молодой солдат постоянно плакал. В лицо я его плохо помнил, видел прежде всего пару раз, а тут и вообще не узнал, так изменило его ужасное ранение.

— Как самочувствие?

— Не знаю! Какое на хрен самочувствие? Что мне делать дальше? Кому я нужен безногий? Обрубок!

— Не дури! Родителям нужен! Родным! Девушка есть?

— Нет! И вряд ли когда будет! Меня отрубили от жизни. Лучше бы я сразу умер!

— Ты это прекрати! Выбрось дурные мысли! Мать будет счастлива, что выжил. Ты знаешь, сколько у нас в батальоне за эти месяцы погибло?! Их родные были бы рады им и без рук, без ног, лишь бы живы были дети! Все еще образуется! Все будет хорошо! Крепись!

...И так в каждой палате, от койки к койке, от отделения к отделению.

Моральные и физические силы быстро иссякли, и я вернулся к санитарной машине. На обратном пути мы заехали в дуكان, купили с офицерами бутылку «Арарата» и тут же, закусив двумя апельсинами, выпили. Почти без разговоров, в три захода раздавили пузырь – полученная моральная встряска требовала дозы успокоительного.

НА ВОЙНУ ИЗ ОТПУСКА ЗА СВОЙ СЧЕТ

После тридцатиградусных морозов Питера жара в Ташкенте обрадовала и в то же время удивила. Но как быстро порою все забывается! А ведь за эти годы службы в Азии я уже привык, что в феврале плюс восемнадцать — нормальное явление.

Солнце стояло в зените, легко одетые люди веселились и беззаботно гуляли по центру современного, красивого города: девушки в коротких юбках улыбочивы и казались легкодоступными. Но, к сожалению, денег на развлечения уже не было.

Ташкент – рубеж, отделяющий нас от боевых действий – лифт между миром и войной. Этот город, словно машина времени по перемещению из современной цивилизации в убогое средневековье с его нищими кишлаками, кязидами, дувалами. Будь оно неладно. Пространственно-временной парадокс...

На трамвае я доехал до знакомого пересыльного пункта. У открытой двери маленького домика галдела очередь возвращающихся отпускников и новичков. За минувшие полтора года на пересыльном пункте ничего не изменилось: те же пыльные улицы вокруг, тот же пьяный гвалт в общаге, тот же сарай по приему документов. По-иному это ветхое одноэтажное строение не назовешь: тесная комната пять метров на пять, два окошка, но документы принимают лишь в одном. Оттого и постоянная очередь. Человек пятьдесят топчутся друг за другом, ругаются, травят анекдоты, трезвеют. Некоторые из ожидающих, время от времени, отделялись от толпы и выбегали за забор плевать.

Отчего у нас все так убого и неудобно? Ну что за страна очередей! Даже на войну людей отправляют только после того, как они отстоят огромную очередь за талоном на вылет.

Передо мной до заветного окошка оставалось два человека, когда ворота миновала шумная ватага и вломилась в помещение. Ребята громко галдели, были навеселе и радовались жизни. Краем глаза я заметил в толпе Радионова и Баранова, а за их спинами раздавался скрипучий голос Марабу.

— Хлопцы! Я вас заждался, очередь подходит! — крикнул я им и объяснил соседям, что занимал еще и на друзей. Ко мне кинулась вся группа с радостными воплями, протягивая пачку документов. Я рассортировал бумажки, и, когда уже было, собрался подавать их кассирше, она неожиданно зычно рявкнула:

— Обед! Открою через два часа! — И шумно захлопнула створки окошка.

Черт! Невезуха! Проторчать четыре часа в духоте — и такая неудача.

Мандресов-Марабу велел стоящим позади меня молодым лейтенантам: «Чтоб никуда не уходили!» — и потянул меня за рукав.

— Никифорыч! Как я рад встрече! А мы со вчерашнего утра гуляем! Прохлаждаемся, сорим деньгами! — закричал, обнимаясь, Сашка.

Я раздал обратно паспорта, удостоверения личности, отпускные билеты и талоны на самолет. Свои документы засунул на ходу в узкий карман куртки и спросил сослуживцев:

— Какие планы на эти два часа?

— Рядом шикарный ресторан на открытом воздухе! Там распрекрасное пиво подают! — воскликнул Марабу.

— А очередь?

— Да куда она денется? Летёхи нас запомнили — они никуда не отойдут, будут стоять до открытия. Успеем!

— Ну, если близко, тогда поехали.

Мы сели в трамвай, и тут я почувствовал, что чего-то не хватает. Карман какой-то тонкий. Проверил его содержимое и не обнаружил удостоверения личности офицера.

Черт! Принялся рыться в многочисленных карманах полевой эксперименталки: два наружных — пустые, два внутренних, два боковых, два кармана штанов, два на ляжках и два на рукавах... Осмотрел для очистки совести все по-новой. Но не настолько я контужен, чтобы не помнить, куда и что положил. Конечно, бывают провалы в памяти, но в этот раз я отчетливо помнил, что документы засунул во внутренний карман. На всякий случай расстегнул ремень и заглянул в брюки. Ничего постороннего там не обнаружил. Только знакомые трусы. Попрыгал на месте, но ничего не упало. Встав на колени, заглянул под сиденье — документов нет нигде!

— Ты чего? — удивленно спросил Марабу. — Тошнит?

— Военные перевозочные документы и удостоверение. Как теперь в полк попаду? — огрызнулся я.

— Ну и черт с ним, с Кабулом! — изрек Мандресов. — Сиди на пересылке и жди своего Героя. Отсюда в Москву вызовут, ежели понадобится. Действительно, чего туда-сюда кататься? Один такой, несмотря на ранение, возвратился, и где он теперь? Убит снайпером! А все могло быть иначе. Это тебе, наверное, знак свыше! Напишешь рапорт коменданту, и пусть ищут документы. А ты в Ташкенте холодное пиво попивай.

— Нет, не пойдет! Давайте вернемся. Может, найдем?

Вышли на ближайшей остановке, быстро вернулись обратно: от трамвайных путей до КПП осмотрели и обшарили кусты, траву, бордюры. Ничего! Дошли до заветного окошка — впустую. Дьявол! Как же так?

Я случайно бросил взгляд на доску объявлений и прочел еще раз: «Стоимость билета до Кабула — 120 рублей, до Кандагара и Шенданта — 150 рублей. В случае утраты талона на самолет перевозка осуществляется за счет пассажира».

Эта надпись сегодня днем, пока я стоял в очереди, мне мозолила глаза. Сбывается! А я еще про себя насмехался: зачем здесь эти расценки? С ума сойти! Лететь на войну за свой счет! Кто поедет?

Я порылся в карманах — негусто. Включая заначку из пятидесяти рублей, набралось шестьдесят пять целковых. Не везет, так не везет! Эх-ма! Добровольная поездка на фронт откладывается.

— Что, пайсы не хватает? — усмехнулся Мандресов.

— Ерунда! Добавим! — пообещал Радионов. — Давай сейчас соберем, сколько нужно, и отложим — иначе загуляем и все пропьем.

Шестьдесят рублей — мелочь для пятерых.

— А на какие шиши будем пиво пить? — вопросительно посмотрел я на товарищей.

— Вот это мужской разговор! Давно бы так! — обрадовался Мандресов. — Угощаем!

Огромные витражи ресторана отбрасывали во все стороны блики, похожие на солнечных зайчиков. Заведение оказалось довольно солидным, но и для таких, как мы, в полевой форме, нашлось местечко на террасе. Тенистые плакучие ивы и легкое дуновение воздуха создавали прекрасную успокаивающую обстановку. После третьей кружки я перестал нервничать и почти забыл о потере документов. Черт с ними, как-нибудь разберемся!

— Никифорыч! А как ты собираешься сесть в самолет? У тебя ведь и удостоверения офицера теперь нет! — спросил Мандресов.

— Сашка! Успокойся, таможня, пограничники и наземные службы проверяют только загранпаспорт.

— Паспорт, надеюсь, на месте?

— Паспорт? — Я на всякий случай еще раз ощупал карманы. — Вот он!

— Ну и лады!..

И вот мы вновь перед стойкой, где выдают билеты на машину времени. Дородная дама приняла документы нашей веселой компании и вопросительно посмотрела на меня:

— Где талон на перелет старшего лейтенанта Ростовцева?

— Ростовцев — это я. Талон потерялся, пока стоял в очереди. Когда вы закрылись на обед, мы отошли, и он выпал из документов. Валяется где-то в пыли. К вам он случайно не залетал?

— Нет, не залетал! Ну и что дальше? — кассирша явно начинала сердиться.

— В смысле что? — переспросил я.

— Лететь собираетесь? — грозно нахмурилась она.

— Конечно. Честно говоря, не хочу, но приходится.

— Тогда оплатите билет за перелет до Кабула. Сто двадцать рублей. Плюс комиссионный сбор. Да побыстрее, не задерживайте. Мой рабочий день заканчивается через полчаса. Вы пьянствуете и прохлаждаетесь, а я на работе!

— Вы это серьезно, сударыня? Лететь в Афган за свой счет? Оплатить билет на войну? И еще комиссионные?! Я похож на психа?

— Похож. Очень! Вы все тут чокнутые. Если не намерен платить, то отходи в сторону! Сиди в общаге, жди, когда тебе пришлют перевозочные документы из полка.

Я в замешательстве прислонился к стене и вновь тупо уставился на вывеску с расценками на перелет. (А может, это знак свыше: не лети, дурик?!!) Прочитал объявление еще раз и еще раз. Выписка из приказа: дата, номер, подпись. Дурацкий документ! Чертовщина какая-то! Но коль есть такое распоряжение, то, наверное, подобные прецеденты уже были? А ведь за сто двадцать рублей можно до Москвы и обратно два раза слетать!

Я вернулся к окошку и спросил:

— Скажите, пожалуйста, у вас бывали случаи, как у меня?

Она посмотрела на меня и ухмыльнулась:

— Были. Нажрутся, напьются, ни маму, ни папу не помнят, ни как самого себя зовут. Случается, что теряют и отпускной билет, и талон.

— И покупают?

— Обычно лежат на койке в общаге и ждут, когда им документы пришлют. Неделю, другую бродят, а порой месяцами слоняются.

Я огляделся вокруг: в таком бараке, в этом вонючем, пыльном гадючнике, на койке без простыней валяться пару недель? Нет уж! Ни-за-что!

— Братцы! — вздохнул я, уныло оглядев компанию. — Выделяйте деньги на билет. Быстрее. А то окошечко закроется до завтрашнего утра. А жить тут на что?

Дамочка хмуро отсчитала, сколько требовалось, дала десятку на сдачу. Затем поставила штампы и вернула загранпаспорт с остальными бумажками.

— Лети на здоровье, счастливички! И быстрее возвращайся живым! — Она сурово посмотрела на меня еще раз, покрутила пальцем у виска и захлопнула деревянную форточку.

НЕЛЕПАЯ СМЕРТЬ

Колонна бронетехники остановилась на дороге в трех километрах от горной гряды. Роты спешили и отправились ускоренным маршем на задачу. Первый же уступ был резко вертикальным, градусов восемьдесят. Он представлял собой нерукотворную стену с узкой тропкой – гора круто вздымалась метров на триста. Как туда занести пулеметы и минометы? Тропинка лишь слегка обозначалась следами козьих копыт. Во многих местах этот путь обрывался, и двигаться можно было лишь, придерживая и вытягивая товарища.

Подполковник Ошуев скомандовал: «Привал!»

Артиллерия и авиация, не экономя боезапасов, били по горам и ущельям, которые предстояло захватить. Конечно, громко сказано — захватить. Полк должен постараться закрепиться и осмотреть местность, затем прочесать окрестности, найти оружие и, уходя, заминировать, что возможно.

Начальник штаба уточнил еще раз задачи подразделениям полка и, в конце концов, распорядился:

— Оставить молодежь, что пришла в феврале из Союза. И не брать тех, кто себя плохо чувствует и не сможет забраться на стену – вернуть их назад на броню хромых, «косых».

Солдаты постарше призывом ругались меж собой – чем меньше останется в строю, тем больше трудностей во время перехода к задачам: мины, ленты к пулеметам нести-то придется все равно. Тяжелое вооружение ведь не оставишь, его нужно как-то выносить. Главная проблема: мины и ленты. Ношу молодых бойцов разделили между офицерами и прапорщиками. Я, тяжело вздохнув, подвесил к своему мешку ленту «Утеса». Проклятый личный пример! Уже замкомбата, а нагружился, словно рядовой солдат.

— Разведка, вперед! Пехота, не задерживаться, помогать друг другу! Быстрее, вперед! — выкрикивал резкие команды Герой, а мы, как муравьи, поползли по скале.

И для чего природа сотворила такую преграду? Зачем она тут? Конечно, есть возможность миновать этот пик, если пройти дальше по ущелью – там подъем более пологий. Но кто-то прочертил на карте черту, нанес пунктиром маршруты движения и ждет доклада о прибытии в заданный район. Как говорится, я прокукарекал, а дальше хоть солнце не вставай! Того бы умника да сюда бы приволочь, и большой мешок на спину, килограммов тридцать, пусть погуляет с грузом, стратег штабной!

Командир второй роты Острогин передвигался во главе колонны, а я, хоть уже стал замкомбата, вновь полз в хвосте цепи и помогал умирающей пехоте. Бойцы хрипели, кричали, скрипели зубами, портили воздух, но ползли, шаг за шагом, выше и выше. Конечно, тяжело. Такая экскурсия в горы – садистская пытка. Людей крайне мало. Каждый несет за себя и оставшегося внизу молодого парня. Внезапно карабкавшийся чуть впереди высокий солдат пошатнулся и упал на камни. ПК слетел с плеча и грохнулся о скалу.

— Умаров! Ты чего сачкуешь? Подъем! — рявкнул командир пулеметного взвода. — Не вздумай валять дурака, все перегружены!

Младший сержант лежал на спине, запрокинув назад голову со стекленеющими глазами. Мы с прапорщиком склонились над ним – парень не дышал и не подавал абсолютно никаких признаков жизни. Странно! Ни выстрелов, ни взрывов. Человек шел-шел, вдруг упал и умер на моих глазах. Тихо, беззвучно. Как дряхлый измученный старичок.

Солдаты громкими криками вызвали по цепи Сероивана, потому что сержант-санинструктор роты растерялся и не знал, чем помочь. Стянули с бойца вещмешок, броник. Куртка не снималась, и я разрезал ее финкой.

Медик воткнул укол с каким-то лекарством, попытался массировать сердце, сделать искусственное дыхание. Тщетно.

— Нужно вызвать вертолет и срочно сержанта спускать вниз, — произнес виновато прапорщик-медик. — Требуется реанимация.

— Оставьте мешки здесь и выносите. Сейчас вертушку вызовем, — распорядился командир роты.

Острогин был тоже неприятно озадачен: ни особой жары, ни солнцепека, которые могли бы вызвать тепловой удар, в этот день не наблюдалось. Да, сильно парит и душно, да, маловато воздуха, но в горах такие проблемы бывают почти всегда.

И сержант этот прослужил больше года — и вот на тебе. Очевидно, организм израсходовал весь запас своего жизненного ресурса. Камни выскальзывали из-под солдатских сапог, земля осыпалась, но, спотыкаясь и падая, ребята все же довольно быстро спустили вниз тело умирающего товарища.

Хмурые тучи затянули весеннее небо. Солнце исчезло в сплошном мутном мареве густых серых облаков. Заморосил мелкий, как пыль, дождик, похожий на густой мокрый туман. Вынырнувший из-за хребта вертолет, прижимаясь к земле, подлетел к сухому рус-

лу реки. Летуны забрали сержанта и быстро умчались в Кабул. Какой-то шанс выжить, возможно, у него есть. Борт прилетел очень быстро.

Операция началась трагично. Опять не везет в Чёрных горах!

Позже из штаба сообщили: все-таки умер. Не сумели медики его оживить ни на земле, ни в воздухе, ни в госпитале. Обширный инфаркт. Пока мы брели по хребту к вершине, несчастного Умарова уже доставили в Кабул. Но прибыл туда практически труп. Жалко парня, неплохой был сержант. Был...

Вторая рота выбралась на заветный утес, возвышающийся над несколькими разбросанными по ложине убогими домиками. Возле каждого жилища — овечья кошара (загон), низенькие сарайчики и редкая растительность. А ландшафт — камни, булыжники, валуны, осыпи из гальки и щебня. Чем тут отары овец питаются? Колючек и травинок даже для одной худющей козы будет мало. Как люди тут живут? Ни электричества, ни дорог, ни медицины, ни школ. Средневековая дикость! Любопытно, чем они моются, если рядом нет водоемов? И умываются ли они вообще? Немытые женщины, грязные пастухи, чумазы детишки! Вероятно, от грязи даже микробыдохнут. Иначе как объяснить, что местные жители не вымерли, а мы, пришельцы из цивилизации, боеем и помираем от антисанитарии, словно мухи. Вот, опять живот скрутило! Из-за этого, наверное, мысли такие грустные и сердитые.

Мелкий дождик постепенно превратился в настоящий водопад, который обрушился на нас. А в это же время снизу поднимался густой туман — испарялась выпавшая влага. Повсюду струилась вода, ручьями стекая между камней вниз. Круговорот воды в природе...

Так под непрерывные звуки дождя прошли вечер, ночь, утро, день, ночь... Мы изменились от сырости — нестерпимо продрогли. Еще вчера все умирали, изнывая от жары, а сегодня чахнем от холода и влаги. Вода со всех сторон. Муки-мученья!..

«НАСКАЛЬНЫЙ» РИСУНОК

Роты отправились прочесывать кишлачок в долине, и я спустился со взводом — размяться. Зашел с тремя бойцами во двор старого ветхого домишки — он был ближайшим к нашему лагерю. Легкий ветерок гонял по дворику пыль, солому и комочки помета. Всюду пахло козьим и овечьим навозом. Этот запах намертво въелся в стены, в камни, деревья и даже в горы. Вокруг стояла такая тишина, будто нет ни войны, ни смерти, ни засад, ни нападений, ни бомбардировок. Жители ушли задолго до прихода войск, унеся то, что представляло для них ценность. Скрылись, отогнав скот и оставив подарки в виде мин-ловушек.

Саперы на тропе обнаружили пару растяжек, нашли сюрприз при входе в жилище и в ответ на ловушку вышибли тротиловым зарядом запертую каким-то образом изнутри дверь. И вновь наступила тишина.

Солдаты обшарили дом, но, не найдя более ничего подозрительного, занялись приготовлением обеда. Веселый узбек развел костерок посреди вытоптанного дворика, пустив на растопку сплетенную из виноградной лозы и веток кровать. Циновки трещали, разбрасывая во все стороны искры.

— Что собрались сварганить?

— Нашли рис – хотим вкусный плов сварганить.

Я махнул рукой в знак согласия и отправился побродить по пыльным развалинам. Нашим азиатам только бы пожрать! А впрочем, что для солдата может быть важнее сна и еды? Только девчонки. Но девчонок тут нет...

На кой черт бойцам непонятная война в чужой стране во имя невнятных идей и целей. Как мы их ни убеждаем, что, не приди сюда Советская Армия, тут окопались бы американцы, наша пропаганда звучит для них неубедительно. Да я и сам не верю в эти байки, которые рассказываю на политических занятиях. Мифы о братстве по оружию, о строительстве народной демократии в центре Азии, о дружбе простых афганцев с советскими воинами развеивается в первый же месяц пребывания на этой земле. Ребятам главное — пролетели бы быстрее два года! И на дембель.

Я толкнул щупом покосившуюся калитку, ведущую в загон для скота, и вошел. Спрессованный овечий помет слегка пружинил под ногами. Если тут спрятано где-то оружие, то нужно поднимать всю эту вонючую массу. Неохота ковыряться, да и вряд ли в навозе маскируют оружие. А впрочем... В дерьме живут, может, и тайники в нем делают.

На случай, если что-то спрятано в сарае под соломой, бойцы, её не проверяя, подождли – ничего не взорвалось. Так, передвигаясь из помещения в помещение, медленно, не торопясь обходили сараи, домики, кошары, осторожно ошупывая и осматривая все подозрительное под ногами. Ноги надо беречь! А то, что между ними, как зеницу ока!

Оглядываясь по сторонам, словно турист в экзотической лавке древностей, я размышлял о здешнем быте: «Ну как так можно убогого жить в конце XX века!»

И вдруг наткнулся на стене одного из сараев на «наскальный» рисунок: чья-то детская рука гвоздем или каким-то другим острым предметом нацарапала настоящую панораму боя: тут был изображен танк, самолет и пушки. В центре «картины» вертолет, из которого сыпались бомбы, ракеты, стрелял пулемет, а внизу на земле лежали погибшие большие и маленькие жители. Юный автор, наверное, изображал своих друзей. По вертолету стреляли снизу пулеметы. От одной из прочерченных очередей падал сбитый самолет.

Я отошел на пару шагов назад и, задумавшись, рассматривал панораму боя. Вот он, взгляд на войну с противоположной стороны. Черт! Почти два года назад молодым лейтенантом приехал сюда за романтикой, и какую-никакую, но сделал карьеру, получил звание, награды, немного подзаработал на жизнь. А несчастным аборигенам от присутствия шурави достались только разрушения, страдания, боль, смерть.

К черту! Скорее бы домой! С интернациональным долгом пора заканчивать. Наивные иллюзии утрачены давно, но обнаруженный детский рисунок как-то окончательно подорвал веру в справедливость наших действий. И словно глаза открылись...

За спиной раздалось громкое сопение. Оглянувшись, я увидел лейтенанта Стропилина и солдата с ручным пулеметом наперевес.

— Как тебе картина? — спросил я.

— Есть такая передача по телику — «Творчество народов мира». Там подобные сюжеты часто показывают, — ответил взводный.

— Боеприпасы нашли? — поинтересовался я, прекратив размышления на нравственные темы и перейдя к делу.

— Ага. Двадцать мин к миномету, ствол к ДШК и десяток цинков с патронами.

— Не густо. Ну что ж, пошли пить чай, — сказал я, направившись к выходу.

За спиной раздалась очередь. Шарахнувшись в сторону и мгновенно обернувшись, я увидел, что пулеметчик выпустил длинную, замысловатую очередь по всей стене.

— Дурилка картонная! Ты зачем стрелял?— возмущился я. — Что этим изменишь?

— Только они рисовать могут? Я тоже нарисовал...

Пояснения для непосвященных

Кяризы – система колодцев и тоннелей для орошения.

Дувал – стена из глины.

Пайса – деньги в Афганистане.

Дукан – афганский магазинчик или лавка.

Царандой – подразделения милиции и внутренних войск Афганистана.

ХАД – подразделения Госбезопасности Афганистана.

Сарбосы, «зеленые» – афганские солдаты.

Душман, дух, бородатый – исламский повстанец, моджахед.

Чарз – легкий наркотик типа анаши.

Бакшиш – подарок.

Пуштуны – основная национальность в Афганистане.

Бача – мальчик.

Ханум, ханумка – женщина.

«Мультик» и БУР – старинные английские ружья XIX века.

ЭРСы – реактивные неуправляемые снаряды обычно китайского производства.

ШДК – штатно-должностная книга подразделения.

ДШК и «Утес» НСВ – крупнокалиберные пулеметы калибром 12,7 мм.

КПВТ – крупнокалиберный пулемет калибром 14,5 мм.

«Шмель» – переносной огнемет.

Душара или дух, черпак, дед, дембель – неуставная градация по периоду службы в армии (полгода, год, полтора, два года).

Неуставняк – казарменное хулиганство, неуставные взаимоотношения.

Разгрузка или «лифчик» – снаряжение для переноски боеприпасов для автомата и гранат.

«Итальянка» – противотанковая пластмассовая мина итальянского производства.

«Василек» – 82 мм миномет, перевозимый на броне тягача МТЛБ.

РД – рюкзак десантника либо резиновая емкость для воды.

ПБС – прибор для пистолета для бесшумной стрельбы (глушитель).

«Цинк» – металлическая емкость для патронов.

ПК – пулемет Калашникова.

РПК – ручной пулемет Калашникова,

«Муха» – одноразовый гранатомет РПГ-18, РПГ -22.

ЗУшки – зенитная установка.

ПЗРК – переносной зенитно-ракетный комплекс.

АГС – автоматический станковый гранатомет (переносной на станке весит 35 кг).

РГН – ручная наступательная граната (взрывается либо через 4 сек либо от удара).

РГО – ручная оборонительная граната (более мощная).

АКМС – автомат «Калашникова», модернизированный, укороченный.

СПС – скальное пулеметное сооружение (защита стрелков от пуль и осколков из камня).

РГД – ручная граната.

Ф-1 – оборонительного типа граната.

«Эксперементалка», «афганка» – полевая форма.

КПП – контрольно-пропускной пункт.

КП – командный пункт.

Растяжка – растянутая в стороны проволока и прикрепляется к противопехотной или сигнальной mine.

«Град» БМ-21 – система залпового огня калибра 122 мм.

9К57 «Ураган» – система залпового огня калибра 200 мм.